

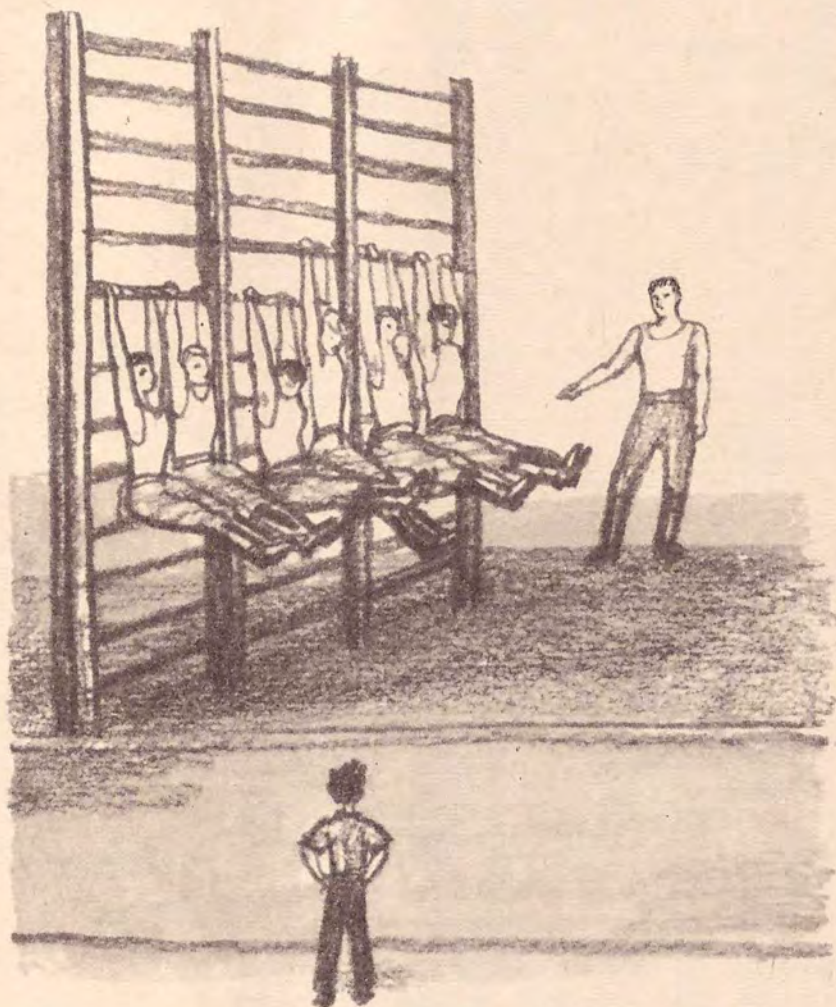
Борис Никольский

ВЕСЁЛЫЕ СОЛДАТСКИЕ ИСТОРИИ

БОРИС НИКОЛЬСКИЙ

ВЕСЁЛЫЕ СОЛДАТСКИЕ ИСТОРИИ

ЛЕНИНГРАД «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1973

Солдатская служба — нелёгкая служба. Немало приходится потрудиться солдату, прежде чем овладеет он военной наукой.

Но вот что интересно — когда возвращаются солдаты в казарму после тяжёлых, долгих учений, после многокилометровых марш-бросков, они никогда не жалуются, не ноют, не рассказывают о том, как трудно им приходилось. Никогда не услышишь, чтобы кто-нибудь из солдат сказал: «Ах, как тяжело мне было!..» Нет, чаще всего солдаты вспоминают всякие смешные истории, забавные случаи, подшучивают друг над другом. И смеются. А когда человек смеётся, когда человек весел, он становится сильнее.

Немало разных весёлых историй слышал от солдат и я — ещё в те времена, когда сам был рядовым солдатом, и позже — когда приезжал к солдатам в гости. Некоторые из этих историй я и хочу рассказать теперь вам, своим читателям.

АВТОР

Р И С У Н К И М. М А Й О Ф И С А

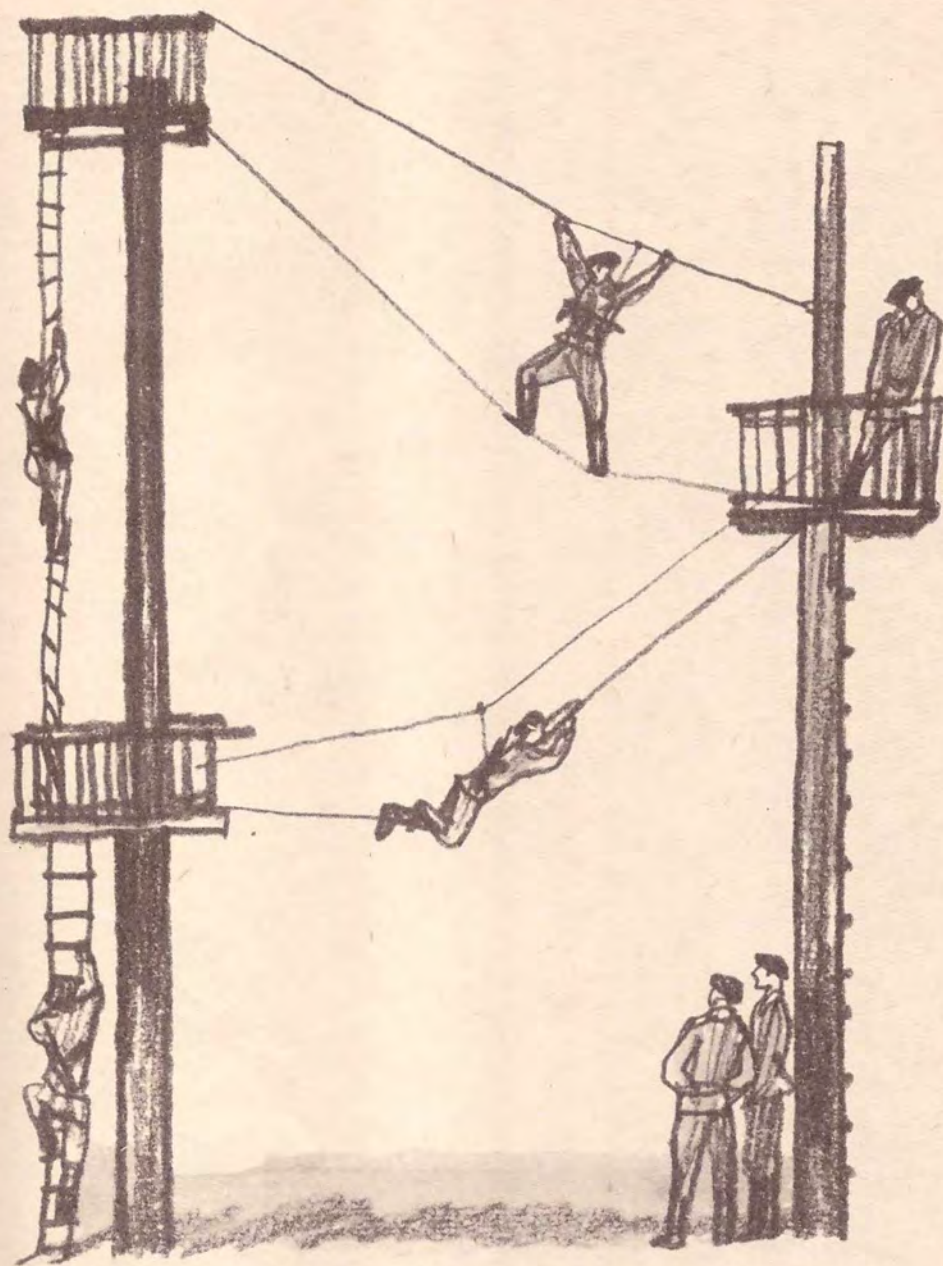
Н 64 Никольский Б. Н. Весёлые солдатские истории. Рис. М. Майофиса. Л., «Дет. лит.», 1973.

96 с., с илл.

Повесть и рассказы о солдатской жизни в мирные дни.

Н $\frac{0762-112}{101(03)-73}$ 253-73

Р2, мл

РЯДОВОЙ БАШМАКОВ

РАССКАЗЫ

РЯДОВОЙ БАШМАКОВ

Был в нашем взводе, взводе десантников, солдат по фамилии Башмаков — удивительно невезучий человек. Не везло ему постоянно. Всегда и во всём. На стрельбы идём — все стреляют нормально, он обязательно умудрится всадить пулю в чужую мишень. По тревоге поднимаемся — сапоги перепутает. Кросс побегим — ногу вывихнет. Короче говоря, всё у него не как у людей.

Поэтому командир взвода старался держать Башмакова подальше от глаз начальства. Как начинаются учения или проверка, так Башмакова либо в наряд по кухне отправляют картошку чистить, либо дневальным по казарме, либо ещё куда-нибудь — лишь бы подальше.

Так было до тех пор, пока не сменился у нас командир взвода.

Новый командир, лейтенант Петухов, вызвал к себе Башмакова и говорит:

— Невезучих людей, Башмаков, не бывает — бывают люди не-дис-ци-пли-ни-ро-ван-ны-е. Ясно?

— Так точно, — говорит Башмаков. — Ясно.

— Отныне вам никаких поблажек не будет, — говорит лейтенант. — И вы свои штучки бросьте. Ясно?

— Так точно, — говорит Башмаков. — Ясно.

А тут через несколько дней как раз учения. И нашему взводу выпало особое задание — произвести разведку в тылу «противника».

Лейтенант Петухов на всякий случай не спускал глаз с Башмакова. И в самолёте посадил возле себя. Нарочно.

И прыгнул сразу вслед за ним.

Их парашюты раскрылись почти одновременно.

И тут вдруг лейтенант увидел, что Башмаков летит не вниз, а вверх.

Да, да, его парашют поднимался вверх!

— Рядовой Башмаков! — закричал лейтенант. — Вы куда?

— Не могу знать! — закричал Башмаков.

— Немедленно вернитесь! — закричал лейтенант.

Но Башмаков продолжал медленно лететь вверх.

— Вернитесь сейчас же! — ещё громче закричал лейтенант.

Что ответил Башмаков, он уже не услышал. Ведь лейтенант летел вниз, а Башмаков — вверх, и расстояние между ними всё увеличивалось.

А между тем всё объяснялось просто: парашют Башмакова попал в восходящий поток тёплого воздуха.

Будь на месте Башмакова другой солдат, он бы наверняка растерялся и от страха натворил каких-нибудь глупостей. Но Башмаков не испугался. Он даже не удивился. Потому что он привык, что с ним всегда что-нибудь происходит.

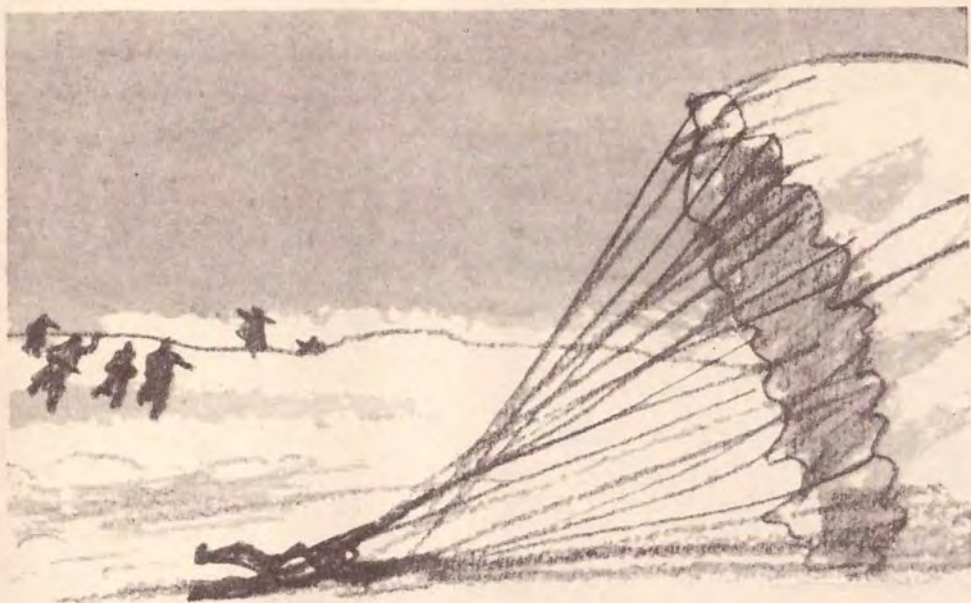
Он спокойно летел, словно на воздушном шаре, и смотрел вниз.

И всё запоминал, что было внизу.

А внизу был лесок. А в леске танки «противника».

Так Башмаков летел довольно долго. А когда приземлился, то сразу пробрался к своим. И доложил о танках. И лейтенант Петухов после учений объявил ему благодарность за самообладание и находчивость.

С тех пор Башмакова перестали считать невезучим. А как только его перестали считать невезучим, он и правда перестал быть невезучим. . .

ДЕСАНТНАЯ КУРТКА

Башмаков очень гордился своей десантной курткой. Куртка у него была не такая, как у всех, особенная — одна половина зелёная, а другая — белая. Удивительная куртка!

Впрочем, удивляла она только новичков, мы-то хорошо знали, в чём дело. И почему отказывался Башмаков поменять её на другую, почему упрявился — тоже знали.

Было это зимой, на ротных учениях.

Пункт сбора десантников был назначен в лесу у переезда, там, где узкоколейка пересекалась с заснеженным, укатанным шоссе. Прятались мы за насыпью железной дороги.

Все группы приземлились удачно и собрались быстро, как положено, а с последней вышла осечка. Поторопился лётчик и выбросил десантников чуть раньше времени.

Как раз в этой группе был Башмаков.

Прыгал он последним.

Нам хорошо было видно, как отделилась от самолёта чёрная точка, как раскрылся парашют.

Мы ахнули. Башмаков медленно опускался прямо в расположение «противника». Мы видели, как подтягивает Башмаков стропы, старается уйти в сторону.

Только ничего у него не получалось.

Если бы подул ветер! Хоть какой-нибудь, хоть самый плёвый ветерок!

Но ветра не было. И нам оставалось только смотреть, как медленно опускается Башмаков прямо в расположение «противника». Мы ничем не могли помочь ему.

Ефрейтор Барабанщиков забрался с биноклем на сосну и оттуда наблюдал за Башмаковым и за действиями «противника».

Ещё секунда — парашют Башмакова скрылся из наших глаз.

И тут неожиданно налетел порыв ветра. Ну что бы стоило ему подуть на минуту раньше!

— Приземляется! Стropы подтягивает! — закричал Барабанщиков. — Бегут! Со всех сторон бегут к нему! Эх, чёрт!

И вдруг он замолчал и даже бинокль выпустил из рук.

— Ну что там? Что там? — нетерпеливо закричал лейтенант Петухов.

Но Барабанщиков по-прежнему не произносил ни слова.

— Да что же... — начал лейтенант Петухов. Больше он ничего не успел сказать.

В следующий момент снежный вихрь возник над переездом.

Белое облако стремительно пронеслось по шоссе мимо нас и врезалось в кустарник.

Когда снежная пыль рассеялась, мы увидели Башмакова.

Он стоял и улыбался как ни в чём не бывало.

Возле его ног лежал парашют. Купол парашюта ещё слегка шевелился от ветра.

— Товарищ лейтенант, — сказал Башмаков, — рядовой Башмаков на пункт сбора прибыл.

Лейтенант молча покачал головой. Он-то хорошо знал, как это опасно, когда тебя тащит по земле за парашютом.

А Башмаков повернулся, и только тут мы увидели, что весь правый бок его куртки от трения стал совершенно белым, словно по нему прошлись наждачной тёркой. . .

КАК БАШМАКОВ БЫЛ В ПЛЕНУ

И всё-таки один раз Башмаков попал в плен. Ушли они на разведку вдвоём с Барабанщиковым, а вернулся Барабанщиков один. Он-то и рассказал, что Башмаков попал в засаду, что на него навалились сразу пять солдат «противника» и что спасти его было невозможно.

— Так что никакой надежды, что Башмаков выберется, теперь нет, — сказал Барабанщиков.

И только он произнёс эту фразу, как зашуршали кусты — и мы увидели Башмакова.

Башмаков был цел и невредим, и автомат у него был при себе, и противогаз — всё, как положено. Кроме того, Башмаков улыбался. Так что никаких сомнений, что это настоящий, наш Башмаков, а не вражеский солдат, ловко притворившийся Башмаковым, у нас не оставалось.

— Как? — сказал лейтенант Петухов. — Вы разве не в плену?

— Никак нет, — сказал Башмаков. — Уже нет.

Конечно, нам очень хотелось тут же расспросить Башмакова, как удалось ему бежать, но на счету была каждая минута.

Только вечером в казарме, когда уже кончились учения, мы узнали наконец, что произошло после того, как Башмакова захватили в плен.

А произошло вот что.

Солдаты «противника» привели Башмакова в свой лагерь, в палаточный городок, и стали допрашивать.

— Кто такой? — строго спросил сержант. — Десантник?

— Ай донт андэстэнд, — сказал Башмаков.

— Чего? Чего? — изумился сержант.

— Ай донт андэстэнд, — невозмутимо повторил Башмаков.

Сержант растерянно оглянулся на своих солдат.

— Это он по-английски с вами разговаривает, — сказал один из них.

Сержант задумчиво посмотрел на Башмакова.

— Ишь ты! — сказал он. — Что придумал! Хитрый чёрт! Ладно, веди его, Горохов, в штаб. Там разберутся.

— Пошли, — сказал Горохов и ткнул Башмакова автоматом в спину. — Шагай! Шагай!

У солдата было круглое лицо с веснушками, крупными, как кукурузные хлопья.

— Слушай, парень, — миролюбиво сказал Башмаков, когда они отошли подальше от сержанта. — Ты откуда призывался?

— Иди! Иди! — хмуро отозвался Горохов. — Не разговаривай!

— Да чего ты злишься? Мне просто лицо твоё вроде знакомо. Очень заметное у тебя лицо.

— Это почему? — подозрительно спросил Горохов.

— На футболиста одного похож. А я думаю: может, встречались где? Может, земляк мой. . . Ну, не говори, не говори, если не хочешь. Подумаешь — военная тайна!

— Из Новозагорска я, — помедлив, сказал Горохов.

— Да ну! — поразился Башмаков. — Я тоже!

Горохов недоверчиво покосился на него:

— Заливаешь небось? Ты на какой улице жил?

— На Советской.

— Точно. Есть такая. А где?

— Да возле почты.

— Точно! Я ж там недалеко живу! У меня ж там все пацаны знакомые! Смотри-ка!

— А Смирнова ты знаешь? — спросил Башмаков.

— Это какого? Витьку, что ли?

— Ну да, Витьку!

— Так мы же друзья с ним! — восторженно закричал Горохов.

— А Рыжего?

— Саньку? Вратаря? Да его ж вся Советская знает! Помнишь, как Пека вышел один на один с ним? А Санька ему под ноги! А Пека...

— Точно! Я тогда за воротами стоял, — сказал Башмаков.

— Ну, здорово! — сказал Горохов. — Вот здорово! Второй год служу, а первый раз земляка встретил!

... Когда Башмаков довёл рассказ до этого места, ефрейтор Барабанщиков, который давно уже порывался перебить Башмакова, не выдержал.

— Что же ты молчал до сих пор? — закричал он. — Земляки мы, выходит! Я же тоже из Новозагорска!

Мы все так и покатались со смеху, а Башмаков спокойно спросил:

— У вас в Новозагорске, что, все такие?

— Какие?

— Сообразительные. Я, между прочим, в Новозагорске никогда и не был.

С минуту Барабанщиков обалдело смотрел на Башмакова.

— А Советская улица? А Витька Смирнов? А Санька Рыжий? — наконец спросил он. — Откуда ты узнал?

— Ловкость рук, — сказал Башмаков. — Подумай сам. В каждом городе наверняка есть Советская улица. На Советской улице почти всегда найдётся почта. У каждого человека всегда отыщется хоть один знакомый по фамилии Смирнов. И по прозвищу Рыжий — тоже. Так что всё очень просто.

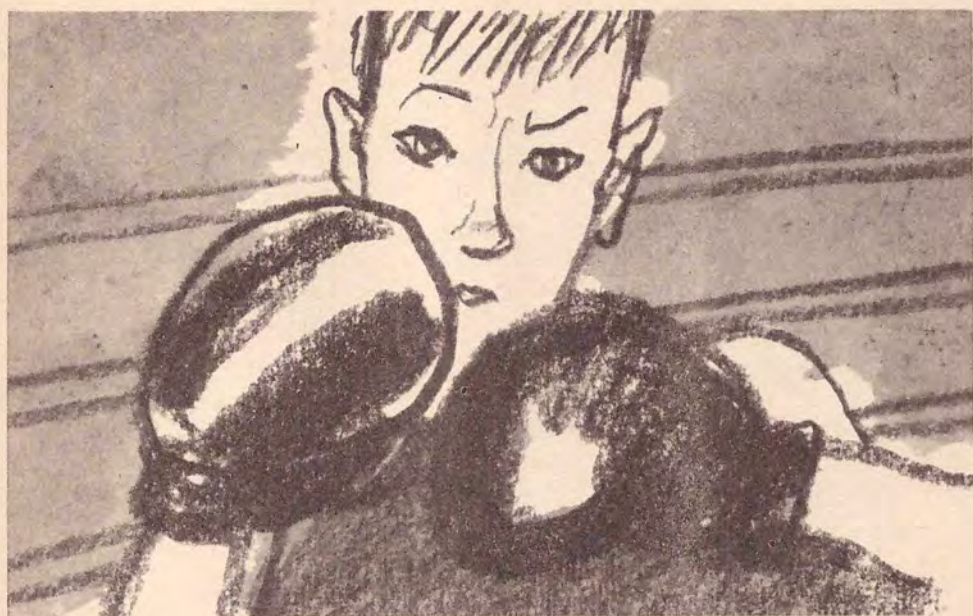
Барабанщиков пошевелил губами, но ничего не сказал. Нечего ему было сказать.

— Ну а дальше-то что? Дальше? Как ты из плена смылся? — нетерпеливо спрашивали мы.

— А дальше ещё проще. Сказал, что скоро еду в отпуск, в Новозагорск. Сразу после учений. Мол, не нужно ли что-нибудь передать. Горохов тут же помчался за какими-то фотографиями в свою палатку. Мне велел подождать. Ну, а я ушёл. Вот и всё.

Мы, смеясь, смотрели на Башмакова. И только ефрейтор Барабанщиков бросал на него сердитые взгляды. Видно, никак не мог простить, что Башмаков так безжалостно обманул его земляка из Новозагорска. . .

КАК БАШМАКОВ ОДОЛЖИЛ СВОЮ ФАМИЛИЮ

Если приключалась в нашей роте какая-нибудь странная история, то приключалась она непременно с Башмаковым. Хотя, в общем-то, она вполне могла произойти с любым из нас, но вот происходила почему-то всё-таки с Башмаковым.

Так было и в этот раз.

Почему именно на Башмакова пал выбор сержанта Модестова — неизвестно. Этот сержант Модестов в нашем батальоне отвечал за спортивную работу, и была у него одна слабость — во что бы то ни стало хотелось ему прославить наш батальон.

И вот этот сержант Модестов подходит как-то к Башмакову и говорит:

— Придётся вам, Башмаков, на вечерок одолжить свою фамилию.

— То есть как? — удивился Башмаков.

— А очень просто. Я тут в посёлке классного боксёра разыскал. Договорился с ним, чтобы он за наш батальон

выступил. Ну вот вы ему свою фамилию и одолжите. Объявим, будто Башмаков выступает. Ради спортивной славы батальона.

— Ладно, — говорит Башмаков. — Если ради славы... Правда, я этот бокс не люблю, смотреть даже на него не могу. Но мне-то что. Берите мою фамилию.

Поговорили они так, и Башмаков об этом разговоре тут же забыл. А на другой день прибегает в казарму лейтенант — начальник физической подготовки части.

— Кто у вас тут Башмаков? — спрашивает.

— Я Башмаков, — говорит Башмаков.

— Что же вы, — говорит лейтенант, — молчали до сих пор? Что же вы свои боксёрские способности скрывали? На тренировки почему не ходили?

— Да я... — говорит Башмаков, но взволнованный лейтенант не даёт ему сказать больше ни слова.

— Я понимаю, — говорит он. — Вы и без тренировок вчера отлично выступили. Одним словом, собирайтесь. С начальством я уже договорился. Едем.

— Куда, — спрашивает Башмаков, — едем?

— К танкистам. Товарищеский матч у нас сегодня с ними по боксу.

Кажется, первый раз в жизни Башмаков растерялся. Стоит и молчит, не знает, что делать. Сказать правду, признаться, что вовсе не он вчера выступал — вроде бы подведёт он тогда сержанта Модестова, да и спортивной славы батальону тогда не видать. Один позор. Не сказать правду — тоже плохо.

— Да вы не бойтесь, — говорит лейтенант, — противник у вас сегодня не очень сильный. Всего второй разряд.

Вздыхнул Башмаков.

— Ладно, — говорит, — едем.

Вернулся он в этот вечер поздно, уже перед самым отбоем.

— Ну как? — спрашиваем, а сами смеёмся.

— Ничего, — спокойно отвечает Башмаков. — Всё в порядке. Победил.

— Как победил? Ты?

— Я, — говорит Башмаков.

Не поверили мы. Но на следующий день в газете читаем: «Победа в легчайшем весе была присуждена рядовому Башмакову, поскольку его противник не смог явиться

на соревнования. Теперь победителю предстоит встретиться с перворазрядником Зайцевым».

— Вот, — радостно говорит сержант Модестов, — наш батальон и прославился.

— Неизвестно, что ещё дальше будет, — говорит Башмаков.

— Это верно, — говорим мы, — неизвестно.

Вечером снова отправился Башмаков на соревнования.

В спортивном зале начал переодеваться, лейтенант — начальник физической подготовки — посмотрел на него и говорит:

— Что-то вы мне в прошлый раз повыше ростом казались. . .

— Возможно, — говорит Башмаков, а сам на своего противника смотрит.

— И в плечах вроде бы пошире были, — печально говорит лейтенант.

— Тоже возможно, — говорит Башмаков.

— Ладно, — говорит лейтенант. — Идите.

Пошёл Башмаков на ринг.

Что там было — об этом нам никто не рассказывал. Настроение, говорят, не то, чтобы рассказывать.

Только дневальные утверждали, что Башмаков не спал всю ночь, ворочался на своей койке, охал и бормотал:

— Чтобы я свою фамилию ещё когда-нибудь кому-нибудь зачем-нибудь одолжил! Да никогда в жизни!

Но больше всех пострадал в этой истории сержант Модестов. Был сержант, а стал рядовой Модестов. Разжаловали его. Недаром говорят — спортивная слава переменчива.

„А ЧТО“

Почти у каждого солдата наверняка есть маленький фотоальбом. На страницах этого фотоальбома вы обязательно встретите и фотографии его владельца — непременно в парадной форме, в фуражке, со всеми знаками солдатской доблести на груди; и фотографии его друзей — тех, кто уже отслужил своё и оставил снимки на память, и тех, кто ещё продолжает служить. . .

Был такой альбом и у Башмакова. И когда отправился Башмаков в краткосрочный отпуск, домой, он, конечно, прихватил этот альбом с собой.

Дома всем, кто ни придёт в гости, есть что показать. Гости смотрят, а Башмаков объясняет. Пришёл однажды двоюродный брат Костя, Башмаков и ему дал посмотреть.

Листает двоюродный брат Костя альбом.

— Так... так... — говорит он. — Ясно...

Наконец дошёл до самого главного, до самого интересного снимка.

— Это товарищи мои, — объясняет Башмаков, — со-

служивцы. Во время затяжного высотного прыжка. С семи тысяч прыгали. Вон Мишка Бандура летит. А это Витька Печенкин, ефрейтор. А там вон, совсем маленький, руки раскинул, лейтенант Петухов. . .

— Интересный снимок! — говорит двоюродный брат Костя. — Только. . . Кто это снимал?

— Я, — говорит Башмаков.

— Ну, конечно, сразу видно. Что ж ты, на резкость не умеешь наводить?

— Умею, — говорит Башмаков печально.

— Умеешь. . . А не наводишь. Это ж каждый пацан умеет!

— Да я и сам теперь вижу, — виновато говорит Башмаков, — у меня с этой резкостью всегда не ладится. . .

— И скадрировать надо было по-другому! Неужели не ясно?

— Я как-то не подумал. . . — говорит Башмаков и становится ещё печальней.

— И потом я тебе посоветую. . .

И вдруг двоюродный брат Костя останавливается на полуслове и пристально смотрит на Башмакова.

— Подожди. . . подожди. . . — говорит он. — Так это ты, говоришь, снимал?

— Я, — говорит Башмаков.

— А откуда снимал? Ты-то сам где был?

— Как где? В воздухе. Вот тут, рядом с Мишкой Бандурой летел.

— В воздухе? С семи тысяч метров? Летел и снимал?

— Ну да, — говорит Башмаков. — А что?

ХОЛОСТОЙ ПАТРОН

Не знаю, как сейчас, но в то время, когда Башмаков был солдатом, в нашей части появился такой приказ: все караульные, заряжая магазин автомата, должны были класть сверху один холостой патрон. Делалось это для того, чтобы невзначай не произошёл выстрел, чтобы избежать несчастных случаев. Прежде чем выстрелить, нужно было передёрнуть затвор, выбросить холостой патрон и только потом уже нажимать на спусковой крючок. На всё это требовалось совсем ничтожное время — две-три секунды, не больше, но тем не менее именно из-за такого холостого патрона и произошла с Башмаковым ещё одна необыкновенная история.

Было это днём. Башмаков стоял на посту возле овощных складов, где хранились капуста и картошка, морковь и репчатый лук. Пост был вскрыт, на складах работали солдаты, дежурный по кухне получал продукты, электромеханик чинил проводку.

Башмаков закинул автомат за плечо и, скучая, ходил между приземистыми складскими помещениями. Время от времени он покрикивал на солдат, которые нет-нет да и норовили покурить в неполюженном месте.

Наверно, уже раз двадцать, не меньше, стоял Башмаков на этом посту и ни разу, даже с ним, с Башмаковым, здесь не случилось никакого хоть мало-мальски значительного происшествия. Правда, первое время, когда Башмаков был ещё совсем молодым солдатом, стоять на посту осенней ночью, в непроглядной темноте было страшновато — всё казалось, что кто-то ползёт, кто-то подбирается, кто-то следит за тобой из темноты. Но постепенно он привык, освоился — ни темнота, ни шорохи давно уже не пугали Башмакова. А днём так и вообще нечего было опасаться.

Приближался час обеда, и пост опустел. Ушли солдаты, ушёл электромеханик, ушёл дежурный по кухне. Лишь в дальнем помещении ещё задержался начальник склада — старшина-сверхсрочник.

Башмакову тоже хотелось есть, и он всё чаще поглядывал в сторону караульного помещения, хотя ждать смены было ещё рановато.

Башмаков медленно обошёл картофельный склад, завернул за угол и остановился.

Прямо навстречу ему торопливой деловой походкой шёл незнакомый парень. Был он одет в гражданский костюм и гладко выбрит, только замысловатые, резко скошенные баки спускались от его висков к щекам.

— Стой! — громко крикнул Башмаков. — Куда?

От неожиданности крикнул он слишком громко и даже сам смутился своего окрика. Не ночь ведь, чего орать?

— Тише, солдат, — быстро проговорил незнакомый человек. — Дело есть.

— Вы что, к старшине? — вежливо спросил Башмаков.

— Говорю, дело есть, — повторил парень и быстрым движением сунул руку в карман. — Патроны продашь?

— Чего? Чего? — спросил Башмаков.

— Продай — не пожалеешь.

Башмаков схватился за автомат, но в тот же момент парень выдернул руку из кармана, и Башмаков увидел чёрное дуло револьвера.

— Ну! Быстро!

Башмаков молчал и не двигался. Он не знал, что делать. С одной стороны, положение было вроде бы безвыходное. Пока он передёрнет затвор, пока выстрелит, этот человек успеет выпустить в него все семь патронов из своего револьвера. Но, с другой стороны, за время солдатской службы Башмаков уже давно усвоил, что безвыходных положений не бывает.

— Давай патроны! Быстро!

И тут Башмакова осенило.

— Ладно, — сказал он. — Будь что будет — продам.

Башмаков спокойно вынул магазин из автомата и шагнул навстречу незнакомцу.

— Это для твоей пушки, что ли? — спросил Башмаков.

— Ну!

— Так ведь не подойдут эти патроны. Точно говорю — не подойдут.

— Поболтай у меня! Много ты знаешь!

— А то не знаю! — обиделся Башмаков. — На, сам посмотри.

Башмаков ловко вынул верхний патрон и протянул незнакомому человеку.

— Примерь.

Маленький жёлтый патрон с тупой пулей лежал на ладони. Он ничем не отличался от остальных — лишь тёмный ободок на доньшке гильзы выдавал его.

Какое-то мгновение оба — и Башмаков и незнакомый парень — смотрели на патрон.

Потом незнакомец сделал шаг вперёд и быстро схватил патрон. Так же поспешно отступил назад и сунул патрон в барабан револьвера.

— Порядок!

Но не тут-то было! Башмаков уже успел отскочить к стене склада. Сорвал с плеча автомат, вставил магазин. И сразу услышал сухой щелчок. Это незнакомец пытался выстрелить. Но выстрела не было.

— Руки! — крикнул Башмаков. — Поднимай руки!

Парень швырнул револьвер и медленно поднял руки. По его лицу было видно, что он всё ещё не может сообразить, что же произошло.

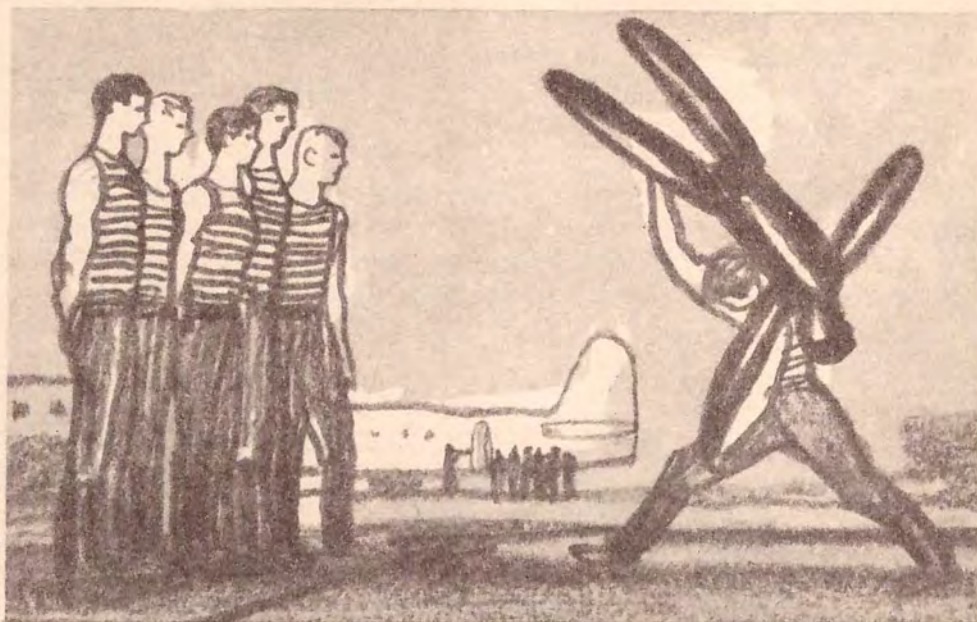
— Я же говорил, — добродушно сказал Башмаков, — не могут тебе подойти наши патроны. Не могут. — И тут

же строго прикрикнул: — Но, но! Не опускай рук! Стрелять буду!

Арестованного в этот же день увезли в областной город — он оказался опасным бандитом, которого давно уже разыскивала милиция.

А Башмакова командир полка приказал сфотографировать у знамени части. Башмаков стоял перед знаменем в парадном, наглухо застёгнутом мундире, с автоматом на груди, и вид у него был торжественный и суровый.

БАШМАКОВ И ИВАН ИВАНЫЧ

Кроме тех солдат, что числились в списках старшины, был в нашей роте один «солдат», который ни в каких списках не числился.

Звали его Иван Иваныч.

Когда-то Иван Иваныч служил для испытания новых парашютов, а теперь доживал свой век в нашей роте.

Не раз Иван Иваныча брали в «плен», не раз приходилось ему выступать в роли «языка», не раз бросали его на землю ловким приёмом самбо. Такая была у него служба.

Иван Иванычем звали огромную тряпичную куклу-манекен, набитую опилками. Это имя ему придумали солдаты.

Если кто-нибудь в роте задавал вопрос, на который не было ответа, ему говорили:

— Спроси у Иван Иваныча.

Если провинившийся солдат оставался в воскресенье без увольнения, над ним посмеивались:

— Привет от Иван Иваныча!

А когда кто-нибудь из нас отправлялся в кладовку, или, говоря по-военному, в каптёрку, то непременно сообщал:

— Пойду к Иван Иванычу.

Потому что в «мирное» время, когда не было учений, когда не было тактической подготовки и занятий по самбо, Иван Иваныч хранился в ротной каптёрке вместе с солдатскими чемоданами и старыми гимнастёрками.

Впрочем, таких мирных дней не много выпадало на долю Иван Иваныча.

Однажды во время взводных учений рядовой Башмаков и рядовой Коркин получили приказ: захватить «языка».

«Языком», естественно, был Иван Иваныч. Башмаков и Коркин должны были разыскать его в густом кустарнике, снять с поста по всем правилам военного искусства и доставить затем в расположение взвода.

И вот когда «язык» был уже обнаружен и схвачен, выяснилось, что самое трудное ещё только начинается.

Тащить Иван Иваныча оказалось очень нелегко: как-никак, а весил он около восьмидесяти килограммов. Кроме того, шёл дождь и было темно.

— Ты берись за ноги, а я за руки, — сказал Коркин.

— Хорошо, — сказал Башмаков.

Так они протащили Иван Иваныча несколько метров.

— Нет, — сказал Коркин, — лучше ты берись за руки, а я за ноги.

— Хорошо, — сказал Башмаков.

Они протащили Иван Иваныча ещё несколько метров.

— Подожди, — сказал Коркин, — берись ты опять за ноги, а я за руки.

— Хорошо, — сказал Башмаков.

Он давно знал, что больше всего Коркин любил распорядиться и командовать. Такой уж характер был у Коркина. Скверный характер.

Он и в казарме себя так вёл. Назначат их вместе полмыть, Коркин скажет: «Ты, Башмаков, пока мой, а я пойду тряпок хороших поищу» — и уйдёт, и ходит где-то час

целый, а Башмаков моет. Вернётся Коркин: «Как? Ты уже вымыл? А я тряпок так и не нашёл».

— Да что ты, Башмаков, на него смотришь? — говорили иногда солдаты. — Сказал бы ему пару ласковых слов.

— Да ладно... — отвечал Башмаков. — Чего там...

А тут, видно, никак Коркин не мог решить, каким образом выгоднее нести Иван Иваныча. Возьмётся за руки — ему кажется, Башмакову в ногах легче. Перейдёт в ноги — опять кажется, Башмаков доволен.

В общем, здорово они намучились, пока тащили Иван Иваныча. Иван Иваныч намок под дождём, ещё тяжелее стал. До расположения взвода уже рукой подать, а Коркин совсем выдохся.

— Привал, — распоряжается, — сделаем.

Остановился Башмаков, Иван Иваныча посадил под сосну, аккуратно прислонил к стволу.

— Потерпи, — говорит, — Иван Иваныч, уже немного осталось.

— Ему-то что! — говорит Коркин. — Ишь ты, вылутился! Кукла чёртова! Манекен проклятый!

Размахнулся да как даст Иван Иванычу по голове.

Иван Иваныч нелепо взмахнул тряпичными руками, перевернулся и плашмя упал на землю.

А Коркин ткнул его сапогом.

И тут вдруг Башмаков оттолкнул Коркина, бросился к Иван Иванычу, поднял его.

— Ты что? — поразился Коркин. — С ума сошёл?

— Не трогай его! — крикнул Башмаков. — Уйди!

Так и тащил Иван Иваныча один. Весь согнулся, а тащил. Восемьдесят килограммов всё-таки — шутка ли!

Коркин только плечами пожимал. «Не знал, — говорит, — что вы с ним родственники: одними опилками набиты».

Зато солдаты потом часто просили Башмакова: «Расскажи, Башмаков, как ты Иван Иваныча защищал!»

Очень уж нравилась им эта история.

САМАЯ УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Однажды вызвал к себе Башмакова лейтенант Петухов и говорит:

— Мы вам, Башмаков, поручаем ответственное дело. Дело, можно сказать, государственной важности. Поедете в город вместе с начальником финансовой части, капитаном Беленьким. Охранять его будете. За деньгами поедете. Ясно?

— Так точно, — говорит Башмаков. — Ясно.

Взял он из пирамиды автомат, получил у старшины под расписку тринадцать патронов и пошёл в штаб. И из штаба, уже вместе с капитаном Беленьким, — на станцию. Видит — в руках у капитана Беленького чемоданчик, самый обыкновенный коричневый чемоданчик, даже потрёпанный слегка. Значит, за этим чемоданчиком и надо смотреть в оба.

На станции сели они в поезд и поехали в город.

А в городе пошли в банк. Все встречные люди с уважением смотрели на вооружённого Башмакова.

В банке капитан Беленький получил деньги, сложил их в чемоданчик, и они пошли назад, на вокзал.

Капитан идёт чуть впереди, Башмаков с автоматом — чуть сзади.

Пришли на вокзал, сели в поезд и поехали обратно.

А чемоданчик капитан Беленький положил себе на колени. Вернулись на свою станцию и пошагали в часть. Дошли до штаба, тут капитан пожал Башмакову руку и говорит:

— Ну, вот и всё. Спасибо.

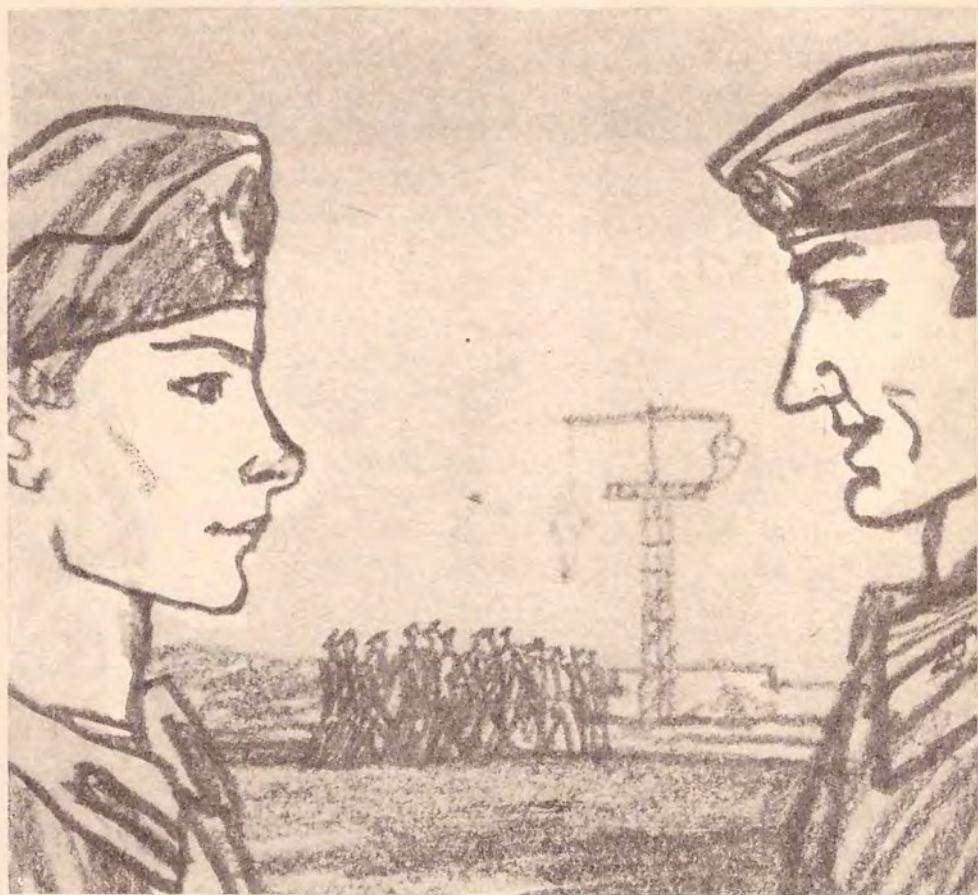
— Пожалуйста, — говорит Башмаков.

Пришёл Башмаков в казарму, сдал старшине патроны, поставил автомат в пирамиду.

— Всё? — спрашивает старшина.

— Всё, — говорит Башмаков.

Так ничего и не случилось с Башмаковым в этот раз. И это, пожалуй, было самое удивительное.

ПОВЯЗКА С БУКВОЙ „Р“

Это случилось во время летних учений, когда «северные» вели наступление на «южных». Ночью группу лейтенанта Петухова забросили в тыл «противника».

Всю ночь бежали десантники по распадкам между сопок, пробирались по пологим лесистым склонам, а утром наконец вышли к цели.

Притаились в кустах на склоне и видят: перед ними лежит небольшой посёлок, три дороги сплетаются здесь и уходят дальше — кружить среди сопок.

По посёлку беззаботно расхаживают «южные» — видно, чувствуют себя тут совершенно спокойно.

А ещё приближаются к посёлку зелёные бронетранспортёры.

— Эх, — говорит лейтенант Петухов, — хорошо бы задержать их немного, пока мы войдём в связь со штабом... Да и пробраться к ним в расположение тоже хорошо бы...

— Хорошо бы... — соглашаются солдаты.

Только Башмаков молчит. В бинокль смотрит. Вроде бы даже и не слышал он слов лейтенанта.

Проследил лейтенант Петухов за его взглядом — что так заинтересовало Башмакова?

А Башмаков, оказывается, на солдата-регулирующего смотрит. Как увидел в центре посёлка этого регулирующего, так и оторваться не может.

А надо сказать, одно время Башмаков сам был регулирующим. Это что значит? Это значит: как тревогу объявят — хватай сигнальные флажки, красный и жёлтый, надевай на рукав повязку с буквой «Р» и беги на отведённый тебе перекрёсток — движение регулировать. Чтобы заторов, заминок и всяких недоразумений не получалось.

Очень нравилась Башмакову эта его специальность. Он даже не расставался никогда со своими флажками и повязкой. Как тревога — так обязательно по привычке их прихватит.

Посмотрел лейтенант Петухов пристально на Башмакова и говорит:

— А что, если попробовать? . .

Будто вслух думает.

— Можно попробовать, — отвечает Башмаков, не отрываясь от бинокля.

Короче говоря, надел он повязку с буквой «Р», взял флажки и пошёл в посёлок. Сначала тайком, огородами, дворами, а потом, как выбрался на улицу, пошёл спокойно, как и положено солдату-регулирующему.

По улице бронетранспортёры катят — никто на Башмакова особого внимания не обращает.

А Башмаков встал со своими флажками на перекрёстке у выезда из посёлка и движение регулирует. Кого вправо направит, кого — влево.

Один капитан заподозрил что-то неладное. Выскочил из бронетранспортёра и — к Башмакову.

— Это что, — спрашивает, — за художественная самодеятельность?

— Никак нет, — отвечает Башмаков. — Это не художественная самодеятельность, а приказ генерала. . .

— Аа-а... — говорит капитан. — Ну, тогда другое дело. . .

Так почти целый час стоял Башмаков, регулировал движение и всё вокруг замечал и запоминал.

Потом вдруг слышит: в центре посёлка какой-то шум, крики. Выглянул Башмаков из-за угла — а это, оказывается, те бронетранспортёры, которые отправил он влево, сделали круг и снова прибыли в посёлок.

Солдаты и офицеры «южных» окружили своего регулировщика, шумят, ругаются.

Понял Башмаков, что пора ему уходить.

Вернулся он к своим и доложил обо всём, что видел.

А «южные» ещё долго не могли понять, что же произошло. Почему их войска в разные стороны разъехались.

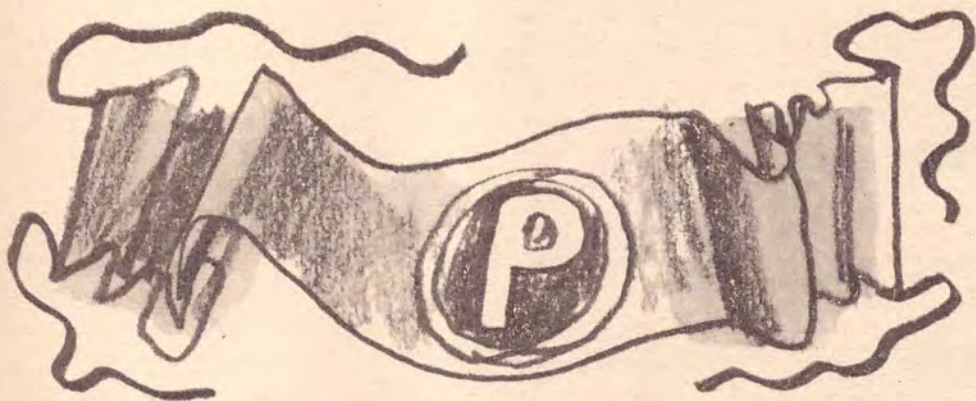
Потом, уже после учений, много споров было между «северными» и «южными» об этом происшествии. «Южные» возмущались, просто из себя выходили.

— Дурацкий случай,— говорили,— произошёл. Да неужели бы мы на настоящей бы войне своего бы солдата от чужого не отличили? Нечестно это. Просто даже очень некрасиво пользоваться нашим доверием к регулировщикам. Несправедливо.

— На войне,— отвечали «северные»,— ещё и похлеще случаи бывали.

Впрочем, спорь не спорь, возмущайся не возмущайся, но сражение в тот день «южные» проиграли и победу посредники всё равно присудили «северным».

А Башмакова командир наградил ценным подарком.

КАК БАШМАКОВ ЛЕЖАЛ В САНЧАСТИ

Однажды Башмаков простудился и его отправили в санчасть. Полежал он два дня в постели, попринимал лекарства, на третий день смерил температуру — нормальная.

— Товарищ капитан, — говорит Башмаков доктору, — можно я встану, погуляю?

— Пожалуйста, — говорит капитан.

Надел Башмаков халат, вышел во двор. На улице тепло, солнце светит. Посмотрел Башмаков — калитка у входа в санчасть покосилась, висит на одном шпингалете. Непорядок.

— Товарищ капитан, — говорит Башмаков доктору, — можно я поработаю — калитку почию?

— Пожалуйста, — говорит капитан.

Отыскал Башмаков гвозди и молоток, приколотил калитку — самому посмотреть приятно. Огляделся — что бы ещё сделать?

Ступеньки у крыльца поправил. Скамейку укрепил. Дорожку битым кирпичом выложил. Забор покрасил.

Через день собрался доктор выписывать Башмакова. Посмотрел на Башмакова задумчиво и спрашивает:

— А что, Башмаков, может, вы и стёкла вставлять умеете?

— Умею, — говорит Башмаков.

— И печки класть умеете?

— Умею, — говорит Башмаков.

— Может, вы, — спрашивает доктор, — и крышу отремонтировать сможете?

— Смогу, — говорит Башмаков.

Потёр доктор затылок ладонью и говорит:

— Придётся вам, Башмаков, ещё денька три полежать в санчасти, ничего не поделаешь. . .

— Хорошо, — говорит Башмаков. — Вам виднее.

На другой день он стёкла, где нужно, вставил, дымоход у печки поправил, потом за крышу принялся.

Тут его ротный старшина как раз и увидел. Башмаков на крыше санчасти сидел, а старшина мимо шёл — в штаб.

Старшина остановился, задрал голову.

— Что это с вами, Башмаков? — спрашивает.

— Ничего, — говорит Башмаков.

— То есть как это ничего? — спрашивает старшина. — Вы разве не больны?

— Так точно, — говорит Башмаков. — Болен.

— Так почему же вы тогда на крыше сидите?

— Это лечение такое, — говорит Башмаков. — По-научному «трудотерапия» называется.

Старшина так удивился, что даже забыл, куда шёл. Пошёл обратно в казарму и всю дорогу рассуждал сам с собой.

— Это что же за лечение? — говорил он себе. — Да я такое лечение солдатам каждый день прописываю. Меня, выходит, уже профессором медицины считать можно. . .

А Башмакова через два дня опять вызвал доктор.

— Ну как, — говорит, — ваши дела? Всё в порядке?

— Так точно, — отвечает Башмаков. — Всё в порядке: крыша не течёт, стёкла вставил, забор покрасил.

— Да я не про то спрашиваю, — смеётся доктор. — Как ваше самочувствие — в порядке?

— Самочувствие хорошее, — говорит Башмаков.

— Ну и прекрасно, — говорит доктор.

В этот же день выписал доктор Башмакова из санчасти, и они расстались очень довольные друг другом.

ПОСЛЕДНЯЯ ИСТОРИЯ

Эта история произошла с Башмаковым в день его отъезда из части, когда он демобилизовался.

Утром Башмаков получил в штабе документы, распрощался со своими товарищами и со своими командирами тоже распрощался, выслушал последние напутствия замполита части подполковника Кораблёва, вскинул за плечи вещмешок и пошёл на станцию. Мимо казармы, мимо парашютной вышки, мимо дежурного по контрольно-пропускному пункту.

Пришёл на станцию, а там на платформе полно незнакомых солдат. И все — кто с чемоданами, кто с вещевыми мешками.

«Что бы это могло значить?» — подумал Башмаков.

Сел он в сторонке на скамейку и вещмешок положил рядом. До поезда ещё долго.

Тем временем солдаты начали строиться. Вдоль строя бегал низенький капитан и командовал:

— Подравняться! Подравняться! Левый фланг — разобратся!

И тут он увидел Башмакова.

— Товарищ, а вы что же? — сказал капитан. — Ну-ка, быстренько в строй!

— Да я... — начал было Башмаков, но капитан укоризненно взглянул на него и сказал:

— Разговоры! Отставить разговоры! Живо — в строй!

И Башмаков подхватил свой вещмешок и послушно встал в строй.

Ведь за три года службы он научился беспрекословно повиноваться приказам старших начальников.

— Напра-во! — скомандовал капитан.

Все повернулись направо, и Башмаков повернулся вместе со всеми.

— Бего-ом марш!

Все побежали, и Башмаков побежал вместе со всеми по той самой дороге, по которой только что шёл на станцию.

«Странно, — думал Башмаков. — Очень странно».

Они пробежали мимо дежурного по контрольно-пропускному пункту, мимо парашютной вышки, мимо казармы и остановились возле штаба.

А из штаба вышел подполковник Кораблёв, замполит части.

— Поздравляю вас, товарищи, с прибытием в нашу часть! — громко сказал замполит. — Вы прибыли к нам из учебных подразделений, чтобы с честью продолжить...

И тут замполит замолчал, потому что увидел Башмакова.

Башмаков стоял в последней шеренге и внимательно смотрел на замполита.

Несколько минут замполит не мог выговорить ни слова.

— А вы, рядовой Башмаков, откуда? — наконец спросил он.

— Со станции, — сказал Башмаков. — Согласно приказу товарища капитана.

Солдаты в строю засмеялись, подполковник Кораблёв вопросительно посмотрел на низенького капитана, а низенький капитан очень смутился.

— Ну что ж, — сказал замполит, — пожалуй, это даже весьма кстати, что вы здесь оказались.

И он велел Башмакову выйти из строя.

А потом сказал:

— Вот перед вами, товарищи, рядовой Башмаков. Сначала, когда он так же, как и вы, прибыл к нам, служба у него не клеилась. А теперь он увозит с собой одни благодарности. Сколько у вас благодарностей, Башмаков? — спросил он.

Башмаков беззвучно зашевелил губами и начал загибать пальцы сначала на правой, а затем на левой руке.

— Девять благодарностей, товарищ подполковник! — сказал он.

— Вот видите — девять благодарностей! — сказал подполковник.

— И ещё ценный подарок! — сказал Башмаков.

— И ещё ценный подарок! — сказал подполковник. — А всё благодаря старательности, настойчивости и сознательности. Правильно я говорю, Башмаков?

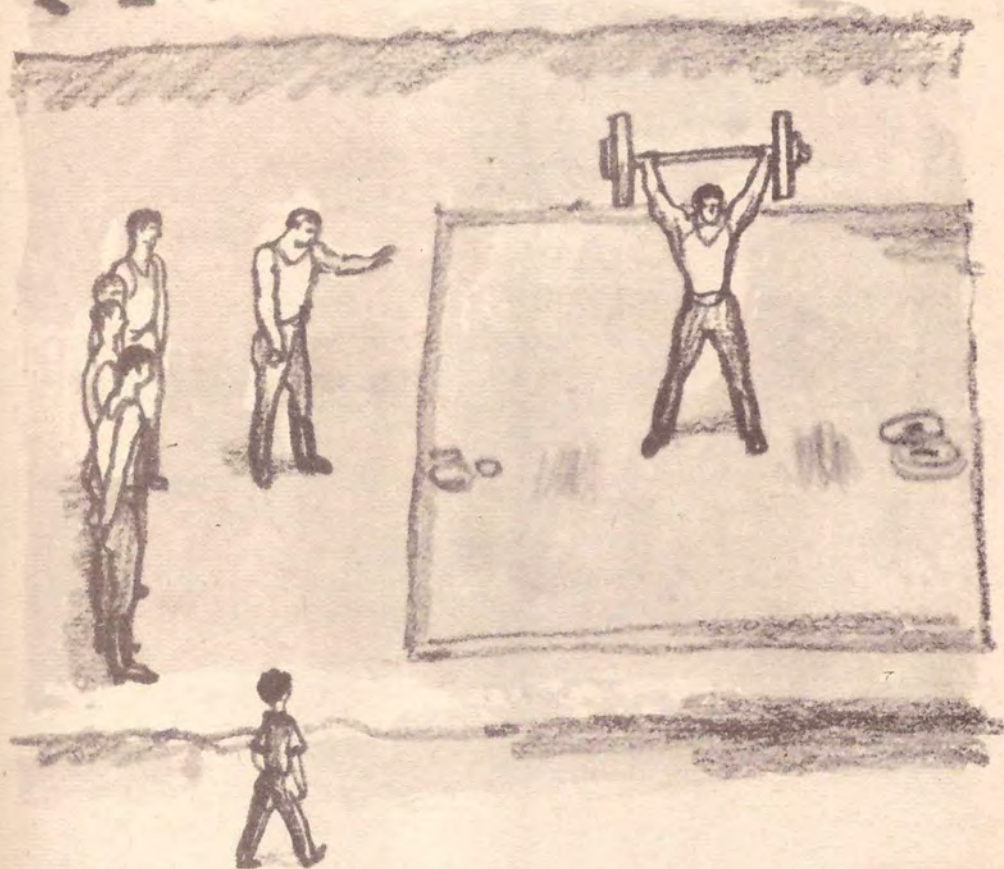
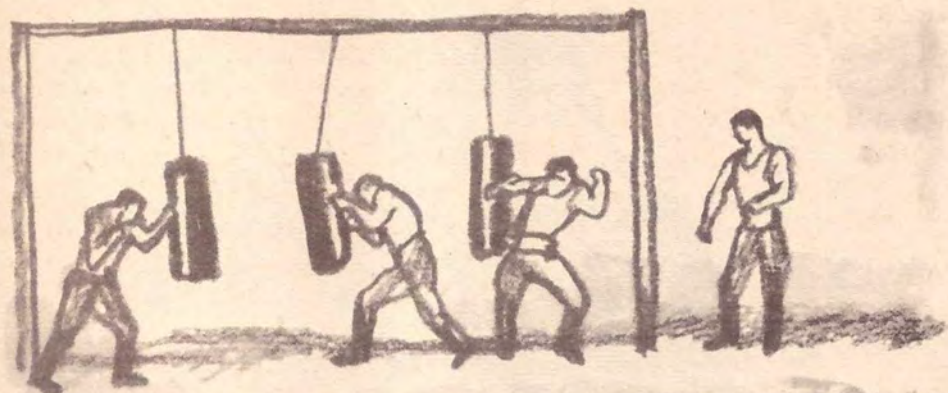
— Так точно, товарищ подполковник! — сказал Башмаков. — Правильно.

Потом замполит пожал Башмакову руку, и Башмаков опять пошёл на станцию. Мимо казармы, мимо парашютной вышки, мимо дежурного по контрольно-пропускному пункту.

И успел на этот раз точно к поезду.

Так благополучно закончилась эта последняя история.

А впрочем, может быть, её и не было вовсе, этой истории. Ведь о ней нам написал сам Башмаков в своём письме с дороги. А он вполне мог и придумать. Просто он знал, что мы всё равно не поверим, если он напишет, что за всю долгую дорогу домой с ним так ничего и не случилось.

БРАТЯ СОРОКИНЫ

ПОВЕСТЬ

1. „Сорокин! Тебе письмо!“

В субботу вечером Сорокин мыл пол в казарме. И конечно, настроение у него было отвратительное. Что-то слишком уж часто приходилось ему мыть полы.

А почему? Что он, хуже других?

Да ни капли!

Или фамилия его старшине приглянулась, не даёт покоя — всё: Сорокин да Сорокин. Можно подумать, других фамилий он и не помнит. Как произнесёт своим старшинским раскатистым голосом: «Сор-р-рокин, кому я говор-рю!» — так даже на другом конце военного городка слышно. И мало, что за каждую мелочь, за пустяк каждый закатит наряд вне очереди, так ещё и нотацию прочтёт. Просто не может без этого.

— Вас, — говорит, — Сорокин, характер подводит. Скверный у вас характер, неподходящий для армии. А парень вы вроде неглупый, и выносливость у вас есть. . . (Это у старшины тоже такая привычка была, такой педагогический приём: нельзя, мол, только ругать солдата, обязательно надо между делом и похвалить его, что-нибудь хорошее вставить, чтобы совсем уж не отчаивался человек.)

А чего Сорокину отчаиваться? Он и сам себе цену знает, получше старшины.

Однажды он не вытерпел и так прямо и сказал:

— Это, товарищ старшина, не мой характер виноват. Это ваш, товарищ старшина, характер виноват. Если бы вы ко мне по каждому пустяку не придирались, я бы... — И тут он прервал себя на полуслове: ждал, что старшина сразу расsvирепеет из-за таких его слов.

Но старшина не рассердился. Он даже как-то добродушно посмотрел на Сорокина и сказал спокойно:

— Устав надо выполнять, устав, тогда я и придираться не буду. Вон ваши товарищи как служат — любо-дорого посмотреть, разве я к ним придираюсь? А вы что? В строй сегодня кто опоздал? Сорокин. На зарядке кто руками шевелил, как умирающий лебедь? Сорокин. Утром сапоги кто не почистил? Опять Сорокин. А говорите — я придираюсь...

— Сапоги... — обиженно отозвался Сорокин. — Так разве я виноват, что моя щётка куда-то задевалась? А я спросил щётку у Вавилина, а он сказал, что отдал её Толстопятову, а пока я искал Толстопятова, он, оказывается, уже успел вернуть щётку Вавилину, а когда я снова спросил Вавилина...

— Погодите, погодите, — сказал старшина, — а то вы, я смотрю, меня совсем запутаете. Поймите же вы наконец, Сорокин: не то даже самое плохое, что вы ошиблись, что-то не вовремя выполнили, а то самое плохое, что вы каждый раз оправдание себе ищете. Вот уж это никуда не годится.

Подобные обстоятельные разговоры между старшиной и Сорокиным происходили не раз и, кажется, даже доставляли старшине некоторое удовольствие, может быть, он даже предполагал, что и Сорокину они по душе. На самом деле, разумеется, это было совсем не так, потому что сколько бы ни длился такой разговор — десять минут, двадцать или полчаса, — он неизменно заканчивался в пользу старшины.

— Ну вот видите, Сорокин, — говорил он в конце концов, — опять вы пререкаетесь. Придётся вас наказать, раз уж слов вы не понимаете...

Так получилось и в этот раз, в субботу. И теперь Сорокин скрёб половицы и поминал в душе старшину недобрыми словами, причём, и это, конечно, тоже было нарушением устава, потому что поминать недобрыми словами своих начальников, пусть даже и в душе, никому не разрешено.

И вот именно в этот весьма печальный для Сорокина момент он услышал громкий голос дневального Бегункова:

— Сорокин! Тебе письмо!

Бегунков прокричал это таким ликующим голосом, каким, вероятно, в старину матросы после долгого плавания кричали: «Земля! Земля!» Вообще у этого Бегункова была одна особенность: он умел радоваться чужим радостям ничуть не меньше, а может быть, даже больше, чем своим собственным. Кое у кого эта черта его характера даже вызывала раздражение: событие, о котором он сообщал, оказывалось обычно гораздо менее значительным, чем тот восторг, с которым Бегунков возвещал о нём.

И в этот раз письмо оказалось как письмо, обычное письмо из дома, от матери. Конечно, Сорокин ждал этого письма и был ему рад, но всё же ничего сверхнеожиданного, невероятного тут не было.

Сорокин хотел было сначала домыть пол, а потом уже взяться за конверт, но нетерпение пересилило. «Ведро с тряпкой от меня никуда не убежит», — решил он.

Первые слова шли самые привычные: приветы, расспросы о здоровье, о службе. . . А потом. . .

Вот что прочёл Сорокин потом:

«Дорогой сынок, соскучилась я очень по тебе, и хочется тебя повидать, и дела мои сейчас сложились так, что могу я приехать навестить тебя. Я узнавала в военкомате — говорят, это можно. Но хоть и соскучилась я, главная причина, отчего решила ехать, другая. Валерка наш совсем разболтался, меня не слушает, озорничать начал, помогать мне — совсем не помогает. В магазин сходить — и то не допросишься. Грубит, я ему слово — он мне десять. Вот я и подумала: свожу-ка его к тебе, ты его приструнишь, пристыдишь как следует. И пусть на жизнь вашу солдатскую посмотрит, может, это подействует. А то боюсь я за мальчишку. А ты подумай, как с ним получше поговорить, тебя-то он послушает. Билеты я уже купила. В понедельник встречай нас».

Вот какое письмо получил рядовой Сорокин в субботу вечером, когда мыл полы в казарме.

— Вот так номер! — только и сказал он, ещё не зная, радоваться ему или огорчаться. . .

2. Как Сорокин просился в увольнение

На другой день с утра Сорокин отправился к замполиту роты, старшему лейтенанту Кудрявцеву. Не очень-то хотелось ему вступать в лишние объяснения с начальством, но ничего не поделаешь: кто ещё мог отпустить его завтра в город на вокзал встречать мать и братишку?

Старший лейтенант в это время сидел в Ленинской комнате и играл в шахматы с ефрейтором Халдеевым.

— Сорокин, вы ко мне? — спросил он.

— Никак нет, — поспешно ответил Сорокин, потому что именно в этот момент ефрейтор Халдеев поставил старшему лейтенанту мат.

— Нет, так нет, — сказал старший лейтенант Кудрявцев и принялся снова расставлять фигуры.

Вторую партию опять выиграл ефрейтор Халдеев, и замполит снова сказал Сорокину:

— По-моему, у вас всё-таки дело ко мне... — и так хмуро посмотрел на Сорокина, словно именно тот своим присутствием мешал ему одолеть Халдеева.

— Никак нет! — повторил Сорокин.

— Вы же, кажется, никогда шахматами не интересовались? — сказал замполит.

— Учусь, товарищ старший лейтенант, — скромно ответил Сорокин.

Конечно, он мог уйти, но за это время мог уйти из казармы и замполит. И тогда жди-дожидайся завтрашнего утра!

Сорокину ничего не оставалось делать, как терпеливо сидеть и наблюдать за не очень понятными для него передвижениями пешек, коней и слонов. В душе он, конечно, болел за старшего лейтенанта, наверно, ничуть не меньше, чем болеют за чемпиона мира его поклонники.

В который раз пожалел себя Сорокин, в который раз называл он себя в душе несчастным человеком — и за что только выпала ему такая доля? Будь он отличником учебно-боевой и политической подготовки, будь он образцовым солдатом, ну хотя бы таким, как ефрейтор Халдеев, ему бы не пришлось выжидать, и хитрить, и набираться реши-

мости. Тогда бы он просто подошёл к замполиту, вытянул руки по швам и молодежато сказал: «Разрешите обратиться, товарищ старший лейтенант, по личному вопросу?..» — «Пожалуйста, обращайтесь», — приветливо сказал бы ему старший лейтенант.

И тогда бы Сорокин, то есть не теперешний Сорокин, а тот, отличник Сорокин, изложил не торопясь свою просьбу, и замполит сказал бы ему: «Ну, конечно, какой может быть разговор! Вот вам увольнительная, товарищ Сорокин. Это очень даже хорошо, что к такому солдату, как вы, приезжает мать. Командир и я лично обязательно расскажем вашей матери о ваших успехах в учебно-боевой и политической подготовке...»

Вот какая замечательная жизнь могла бы быть у того, другого Сорокина!

В своих мечтах Сорокин пошёл даже дальше. Он увидел целый полковой оркестр, выстроенный на перроне. Увидел себя в парадной форме со сверкающими на груди значками. Услышал...

— Ага, Халдеев, наконец-то вы и попались! — услышал Сорокин голос замполита. — Если я ладьёй так сыграю, что вы на это скажете?..

— Сдаюсь, — сказал ефрейтор Халдеев и смешал фигуры.

— Товарищ старший лейтенант, — быстро проговорил Сорокин, — разрешите обратиться по личному вопросу?..

— Ну и хитрец же вы, Сорокин! — засмеялся старший лейтенант Кудрявцев. — Диплома-ат! Дождались всё-таки! — И он погрозил Сорокину пальцем.

— Ну, давайте выкладывайте, что там у вас?

— Товарищ старший лейтенант, разрешите наедине?

Сорокин покосился на ефрейтора Халдеева. Он слиш-ком хорошо представлял, что будет, если в роте узнают, что Сорокина-младшего везут на перевоспитание к Сорокину-старшему... Уж кого-кого, а остряков в роте более чем достаточно! Им только дай повод!

— Ну что ж, наедине, так наедине, — сказал старший лейтенант Кудрявцев.

Он бросил прощальный взгляд на шахматы и вместе с Сорокиным пошёл в ротную канцелярию. Там он предложил Сорокину сесть, но тот остался стоять, — он надеял-

ся хоть таким образом, хоть в эту минуту продемонстрировать свою высокую дисциплинированность. Он не стал ничего объяснять — боялся запутаться, да и невзначай приврать, нафантазировать тоже боялся, знал, что со старшим лейтенантом Кудрявцевым это ни к чему хорошему не приведёт, и потому просто протянул замполиту письмо: вот, мол, решайте, всё в вашей власти, а я тут ни при чём, сами видите, это не моя инициатива.

Старший лейтенант внимательно прочёл письмо, повертел его в руках, задумчиво посмотрел сначала в окно, на солдат, игравших в волейбол, а потом уже — на Сорокина.

— Ах, Сорокин, Сорокин, — сказал он и вздохнул. Удивительно, но почему-то и ему, видно, очень нравилось произносить эту фамилию. Только делал он это не так, как старшина — без раскатистого старшинского «р», а с нажимом на «о».

— Ах, Сорокин, Сорокин, — повторил он, — ну что мне с вами делать? Разве вы заслуживаете внеочередного увольнения, сами посудите?

Сорокин скромно промолчал.

— Старшина на вас жалуется, командир взвода вами недоволен. . .

Сорокин продолжал молчать. По тону, по выражению лица старшего лейтенанта он уже чувствовал, что дело идёт на лад. Дадут ему увольнение. Не могут не дать, раз такой исключительный случай.

— Вот видите, как получается. . . — сказал старший лейтенант и опять посмотрел в окно. — А мать на вас надеется. Нелегко ей приходится, а вы. . .

«И что ей вздумалось ехать именно сейчас, — тоскливо размышлял Сорокин, — да ещё Валерку везти. . . Одни неприятности из-за этого. Хоть бы меня раньше спросила, так нет же. . . И что вздумалось! . . .»

Впрочем, конечно же, он сам был виноват. Только не хотел сейчас вспоминать об этом. Напиши он, что дела в армии идут у него совсем не так уж блестяще, и дисциплина у него, как любит говорить старшина, «хромает на обе ноги», и с командирами он не очень ладит, напиши он всё, может быть, тогда бы и не пришла матери в голову мысль везти сюда Валерку «приструнивать». Так ведь не писал. Напишет: «Служба идёт нормально, всё в порядке, жив,

здоров, того и вам желаю». А однажды ночью, в караульном помещении, скучно было, длинное письмо настрочил и так там разошёлся — мол, чуть ли не к Ноябрьским в отпуск ждите. И что его тогда дёрнуло? Другие пишут. Вот и ему захотелось. Ночь, темно. Скоро на пост заступать.

Дождь моросит. Два часа стой один в темноте. Карауль боевую технику. Да и то сказать — разве плохим солдатам доверят охранять боевую технику? Ясно, не доверят. А ему, Сорокину, доверяют. Вот от этих мыслей он, наверно, и расчувствовался тогда в караульном помещении. . .

— Ладно, — сказал замполит и легонько хлопнул по столу ладонью. — Но чтобы всё было без нарушений, без малейших, ясно?

— Так точно! — радостно сказал Сорокин.

Он даже и сам уже не знал, чему он обрадовался в эту минуту больше: тому ли, что разрешение получено и всё уладилось, или тому, что закончился этот неприятный для него разговор. Он чётко повернулся, вышел за дверь канцелярии и только тут спохватился, что обрадовался слишком рано: самая неприятная часть разговора ещё оставалась впереди.

Ничего не поделаешь, пришлось возвращаться.

— Ну, что ещё у вас, Сорокин? — удивлённо взглянул на него замполит.

— Товарищ старший лейтенант. . . Я хотел. . . хотел. . . я. . .

— Ах, Сорокин, Сорокин, — опять с удовольствием выговаривая его фамилию, сказал замполит, — если бы вы были так же нерешительны, когда препираетесь с командирами. . . Так что же вы хотели? . .

— Я хотел попросить вас, хотел, чтобы вы. . . — Сорокин опять замолчал и потом выпалил одним залпом: — Ну, в общем, не рассказывайте обо мне матери. . .

— Ага! Понятно! — сказал старший лейтенант Кудрявцев. — Вообще-то раньше об этом надо было думать. . . Разве я не прав? А, Сорокин?

Конечно, он был прав, ничего не скажешь. Но, как это часто бывает, когда человек, твой собеседник, укоряющий тебя, прав, тебе особенно не терпится возразить ему, тебя так и тянет вступить в спор.

Сорокин едва сдержался. И промолчал. Только вздохнул.

— Ну что ж, посмотрим. Это будет зависеть и от вас, — несколько загадочно сказал старший лейтенант. — А сейчас идите. Всё.

3. „Вы не смотрите, что он такой тихий...“

Бывают же всё-таки в жизни поразительные неожиданности!

Ещё накануне вечером, когда он старательно отглаживал обмундирование и заранее до зеркального блеска надраивал сапоги, думал ли Сорокин, что на другое утро он покатит на вокзал на командирском газике?! А рядом с ним будет сидеть торжественный замполит — торжественный и одновременно весёлый.

Честное слово, всё поразило Сорокина ничуть не меньше, чем если бы он, и правда, увидел на перроне полковой оркестр.

— Ты только не зазнавайся, Сорокин, — смеясь, сказал ему старший лейтенант Кудрявцев. — Это не ради тебя делается, это ради твоей матери делается. . . Понял?

Но Сорокин как следует не расслышал этих слов, потому что всё ещё не пришёл в себя от удивления.

Он бы удивился ещё больше, если бы мог увидеть в этот момент своего брата, Сорокина-младшего, человека десяти лет. Потому что Валерка Сорокин в этот момент стоял в коридоре вагона и с воодушевлением рассказывал проводнику, на каком замечательном военном автомобиле приедет встречать его старший брат.

Так газик с Сорокиным-старшим стремительно мчался по шоссе к вокзалу, и к тому же вокзалу по стальным рельсам так же стремительно летел скорый поезд с Сорокиным-младшим. Мгновение торжественной встречи всё приближалось.

И встреча действительно получилась торжественной — лучше не придумаешь!

«Здравия желаю. . .», «Здравствуй, сыночек. . .», «Здорово, Валерка. . .», «Привет, привет!». Всё перемешалось: объятия, поцелуи, крепкие рукопожатия.

И многие пассажиры смотрели на них из окон скорого поезда и улыбались.

Мать Сорокиных совсем растрогалась, а самым спокойным, конечно, оставался Валерка, ведь он с самого начала нисколько не сомневался, что встреча будет такой торжественной.

Потом тот же весёлый газик вёз их в военный городок.

— Смотри, смотри! — говорил Сорокин-старший.

На фоне голубого неба уже видны были причудливые очертания антенн радиолокаторов, навстречу им по обочине катил тяжёлый гусеничный тягач, а слева со стрельбища едва доносились хлопки выстрелов.

Кажется, сто раз, не меньше, видел и слышал всё это Сорокин-старший, кажется, сто раз, не меньше, проходил и проезжал он по этой дороге, но сейчас он внезапно испытал какое-то новое для себя чувство, словно сам был командиром и хозяином всей этой могучей техники. Словно показывал младшему брату свои владения.

— Что? Интересно? — сказал Валерке старший лейтенант Кудрявцев. — Только запомни крепко-накрепко: здесь повсюду часовые. С нарушителями они не церемонятся.

— Стреляют? — спросил Сорокин-младший.

— Бывает, и стреляют, — сказал замполит.

— Вы не говорите так при нём, — сказала мама Сорокиных, — а то ему обязательно захочется проверить...

Конечно, она сказала это в шутку, но лучше бы, лучше бы она совсем не говорила этого!

Тем временем они въехали в военный городок.

Замполит пригласил их в специальную комнату для приезжающих, и там они чинно расселись все четверо и заговорили о том, о чём, наверно, говорят все люди в первые минуты после встречи.

— Ну, как доехали? — спрашивал старший лейтенант Кудрявцев.

— Спасибо, хорошо, — отвечала мама братьев Сорокиных. — А у вас здесь, я вижу, совсем тепло, лето настоящее, — говорила мама Сорокиных.

— Да, тепло, — отвечал старший лейтенант Кудрявцев, — а у вас какая погода? . .

— Трудновато вам, наверно, с ними приходится, — уже несколько позже говорила мама Сорокиных. — Тут с двумя и то намаешься, а у вас их вон сколько! . .

— Да, всякое бывает. Но ничего — управляемся, — скромно отвечал старший лейтенант Кудрявцев.

Пока шёл этот разговор, Сорокин-старший помалкивал, только время от времени улыбался, но в разговор не вступал, не вмешивался. Что же касается Сорокина-младшего, так тот в своём новеньком костюмчике, с аккуратной

чёлочкой на лбу выглядел совсем как воспитанный, застенчивый, интеллигентный мальчик, пришедший на день рождения к своей бабушке. Он даже не шевелился, даже стул под ним не скрипнул ни разу.

— Ну, а мой-то как служит? — спросила наконец мать Сорокиных.

— Ничего, — хитровато улыбаясь, ответил замполит, — я думаю, он сам лучше расскажет. . .

— В детстве он, знаете, болезненный у меня был, простужался часто, так я всё боялась за него, — солдату ведь и мёрзнуть и мокнуть приходится, правда? А вот вроде теперь не простужается. . .

— Не простужаешься, Сорокин? — весело спросил замполит.

Сорокин покраснел.

— Никак нет, — сказал он. — Не простужаюсь.

— За него я теперь спокойна, он в надёжных руках, а вот с младшим беда. Вы не смотрите, что он такой тихий, на самом-то деле. . .

Тут все повернулись к Сорокину-младшему, чтобы выяснить, какой такой он есть на самом деле.

Да так и замерли.

Стул, на котором только что сидел Сорокин-младший, был пуст.

Мама Сорокиных покраснела и растерянно посмотрела на замполита.

А замполит смущённо усмехнулся и взглянул на Сорокина-старшего.

Сорокин-старший нахмурился.

Все молчали и чувствовали себя неловко.

— И куда он мог деться? — сказал наконец Сорокин-старший. — Ну, ничего, сейчас я ему покажу!

4. Как Сорокин-младший гулял по военному городку

Пора сказать, что этой своей изумительной способностью — исчезать совершенно неожиданно, незаметно и необъяснимо — Сорокин-младший прославился ещё с самого раннего детства, а точнее — с пятилетнего возраста. Тогда он исчез в первый раз. Мама шла с ним в магазин и, как уверяла позже, крепко держала Валерку за руку. И вдруг обнаружила, что её рука свободно висит вдоль тела, а Сорокина-младшего даже и не видно нигде поблизости. Она обошла все соседние магазины, расспрашивала встречных, заявила в милицию, а когда наконец, вся в слезах, вернулась домой, Сорокин-младший уже преспокойно ждал её дома. На вопрос, где он был, он отвечал: «В кино». И хотя было полнейшей загадкой, как он сумел попасть в кино без взрослых, без билета, без денег, всё же факт оставался фактом, он даже рассказывал содержание фильма. Фильм назывался «Сердце не прощает».

Исчезнуть с уроков в школе Сорокину ничего не стоило. В первом классе, например, он просто вставал и выходил из класса, когда считал нужным, пользуясь рассеянностью учительницы. Правда, когда ему пробовали подражать другие первоклассники, им это почему-то не удавалось. Значит, был у него всё-таки особый талант, умение

выбрать момент. Став старше, он не утратил этого таланта, а стал только изобретательнее.

Больше всего учителей сердило, что Сорокин даже не обещал исправиться. Другой чуть что: «Больше не буду». А Сорокин молчит. А спросят его, зачем вытворяет он свои проделки, только пожмёт плечами. И сам, оказывается, не знает, зачем. На спор, храбрость проверить, а то и просто так. Сначала сделает, а потом подумает: зачем?

Вот такой человек был Сорокин-младший.

К тому времени, когда Сорокин-старший вышел из комнаты для приезжающих, чтобы отыскать своего младшего брата и объяснить ему, как полагается вести себя в гостях у военных, Валерка был уже довольно далеко.

Сначала он без особого интереса прошёл мимо четырёхэтажной казармы, мимо солдатского магазина и мимо столовой. Потом немного постоял, разглядывая плакаты. На плакатах были изображены солдаты, марширующие строевым шагом. Как на параде.

Потом Валерка отправился дальше по аллее среди кустов и здесь встретил собаку. Собака была рыжей и приветливой. Она бросилась к Валерке так радостно, словно узнала своего хозяина после долгой разлуки. На чистенькой Валеркиной рубашке остались следы грязных лап, но это не испортило настроения Сорокину-младшему.

В самом лучшем расположении духа он двинулся дальше. Мысль о том, что ждёт его за это путешествие без разрешения взрослых, ещё не успела прийти ему в голову. Солдаты, которых встречал он, спешили по своим солдатским делам, и никто не обращал на него особого внимания. В военном городке, видно, было немало офицерских детей, и, конечно, солдаты не догадывались, что он вовсе не офицерский сын, а только заезжий гость, брат рядового Сорокина, посторонний человек, к тому же удравший гулять по военному городку без всякого позволения старших.

Да и сам он по-прежнему не встречал на своём пути ничего примечательного. Дома, как дома. Кусты, как кусты. Дороги, как дороги. Ни тягачей, грозный рёв которых он слышал давеча, ни машин с замысловатыми антеннами, которые видел он мельком из газика. Наверно, и правда, их хранят где-нибудь подальше, и часовые с автоматами днём и ночью стерегут их.

Потом Валерка увидел солдат, занимавшихся физкультурой. Это было уже поинтереснее. Одни солдаты вертели на перекладинах, другие прыгали через «коня», а третьи выделывали сложные фигуры на брусках.

Солдаты были мускулистые и загорелые. Только од-

ному солдату никак не давался прыжок через «коня». Разбежится и перед самым «конём» остановится, разбежится и остановится.

Валерка едва удержался, чтобы не фыркнуть,—таким смешным был этот солдат. Разбега́лся он, шумно дыша и громко топая сапогами, грозный, как надвигающийся паровоз. А затем, вдруг вильнув в сторону, останавливался — не решался прыгнуть. И смущённо, даже виновато оглядывался на своих товарищей, словно оправдывался.

На его месте Валерка давно бы провалился от стыда. Или бы просто не стал делать это упражнение, и всё. Лучшее, чем так позориться.

Однажды, в третьем классе, его вызвала учительница к доске, а у него никак не получалась задача. Учительница говорила ему: «Попробуй-ка, Сорокин, ещё разок... Ну-ка, подумай спокойно, каким ещё способом можно решить?..» Задача была совсем несложная, пустяковая задача, и ребята начали посмеиваться над Валеркиной несообразительностью. Тогда он сказал: «Не буду», — и положил мел. «Не буду, и всё». Конечно, в дневнике у него тотчас же появилась двойка, зато все узнали, какой гордый человек Сорокин.

А у этого солдата, видно, не было гордости ни на грош — он терпеливо выслушивал советы и насмешки товарищей и послушно разбежался снова, и всё пытался прыгнуть, до тех пор, пока командир наконец не сказал ему:

— Достаточно, Кравчук. Потренируетесь вечером в личное время. . .

Валерка ещё немного понаблюдал за другими солдатами, но чутьё уже подсказывало ему, что здесь ещё не самое интересное, что сегодня он наверняка увидит ещё и кое-что поинтереснее.

И Сорокин-младший не ошибся.

Он прошёл по дорожке прямо, затем свернул влево, потом снова вправо и тут остановился.

Он увидел людей, похожих то ли на водолазов, то ли на пришельцев из космоса. На людях этих были резиновые противогазные маски с длинными хоботами, жёлто-коричневые клейкие костюмы и резиновые перчатки. Некоторые из этих людей держали в руках какие-то приборы. Они словно и правда только что высадились на землю и теперь присматривались к ней.

Тут же, неподалёку от них, возвышалось какое-то деревянное сооружение, и время от времени эти существа с хоботами отправляли туда обыкновенных солдат в обыкновенных галифе и гимнастёрках.

Хотя Сорокин-младший успел уже прочесть немало фантастических книжек, он, конечно, ни на секунду не поверил, что эти существа в резиновых масках могут оказаться пришельцами с других планет. Он сразу догадался, что это тоже солдаты, только переодетые.

Сорокин-младший сначала на всякий случай скромно постоял в сторонке, а потом осмелел и подошёл поближе. Ему не терпелось получше разобраться, чем занимаются эти люди. И их приборы рассмотреть получше тоже не мешало бы. Кто знает, может быть, ему дадут поддержать такой прибор или пощёлкать переключателями! А что, однажды в городе бульдозерист разрешил ему забраться в кабину и поддержаться за рычаги, а в другой раз...

Что было в другой раз, Сорокин-младший припомнить не успел, потому что услышал приглушённый, словно доносящийся издалека, голос:

— Ты что, пацан, здесь потерял?

Человек, которому принадлежал этот голос, был небольшого роста, самый маленький среди солдат, но так же, как и остальные, в противогазе и прорезиненном комбинезоне.

— Ничего, — сказал Сорокин-младший.

— Ну и чеши отсюда! Видишь — здесь люди работают.

— А вам что — жалко? — сказал Сорокин-младший довольно нахально. — Посмотреть, что ли, нельзя?

Вот тут он совершил ошибку. Почему-то он никак не предполагал, что этот малорослый человечек может оказаться начальником. За начальника он принял совсем другого — медлительного и сутуловатого солдата.

— Здесь не цирк, чтобы смотреть, — сказал маленький. — Здесь заражённая зона. Понял? Ну, быстро отсюда!

Валерка отступил только на шаг. Заражённая зона! Глупенький он, что ли! Это только так говорится — «заражённая»! А на самом деле никакая не заражённая. Как в военной игре. Говорят «убитый», а на самом деле этот «убитый» потом ещё лишнюю порцию компота просит!..

— Что я сказал? Иди по-хорошему! — повторил маленький человек.

Бывают же такие люди — как привяжутся, так ни за что не отстанут! Жалко ему, что ли, что Валерка здесь постоит? Так нет, заладил: «Иди! Иди!».

Из-за того, что этот человек был в резиновой маске и в особом костюме и смотрел на Валерку через круглые стёкла противогазных очков, а сам Валерка стоял перед ним в лёгкой тенниске с короткими рукавами, к тому же уже испачканной лапами приветливой рыжей псины, он чувствовал себя как-то неловко, неуверенно. Словно зимой, в мороз выскочил на улицу в одной рубашонке и стоит, разговаривает с человеком в шубе.

И всё-таки упрямство уже накатило на Сорокина-младшего.

— Где хочу, там и стою! Земля не купленная! — храбро сказал он. Но на всякий случай отступил ещё на шаг.

— Ах, не купленная? Сейчас узнаешь, купленная или не купленная!

И маленький человек что-то быстро сказал своим товарищам и кивнул на Валерку.

В следующий момент солдаты стремительно подскочили к Сорокину-младшему и подхватили его под мышки.

— Пустите! Пустите! — закричал Сорокин-младший.

Он дрыгал ногами, извивался всем телом, пытался вырваться, но где ему было справиться с двумя солдатами!

Солдаты приволокли его за деревянную загородку и — тут уж Сорокин-младший перепугался по-настоящему! — начали стягивать с него рубашку.

— Пустите! Пустите! — закричал он ещё громче. — Не имеете права!

Почему-то он подумал, что сейчас ему будут делать укол.

— Ну что, испугался? Не будешь больше?

Откуда было знать солдатам, что труднее всего выдавить из Сорокина-младшего эти слова: «Больше не буду»? И хотя Валерке сейчас приходилось несладко, он и тут остался верен себе.

Кроме того, он уже успел осмотреться — увидел солдатские гимнастёрки, лежащие на скамейках, услышал за перегородкой плеск воды и решил, что уколов не будет.

— Раздевайся! — приказал сутулый длиннорукий солдат, и стёкла его противогазных очков грозно блеснули.

Сорокину-младшему ничего не оставалось, как послушно и быстро раздеться.

Через минуту он уже оказался под прохладным душем. Душ был сильный, колючий — струйки воды жёстко колотили Сорокина младшего по спине, по плечам и макушке.

И всё же Валерка повеселел. Храбрость вернулась к нему. Он уже видел, что ничего страшного с ним не случится. Чего было бояться! И вообще советские солдаты должны защищать советских детей. Это каждый знает.

Он уже прикидывал, как станет рассказывать у себя в классе о своих приключениях, о том, как попал в «заражённую» зону и как его отмывали.

Из-под душа он вышел окончательно осмелевшим. Он хотел было сунуться обратно, туда, где раздевался, но красная стрелка, приколоченная на стене, показывала, что выходить нужно в противоположную сторону. Туда он и направился.

Солдат — уже самый обыкновенный, в обычной солдатской форме — протянул ему короткое вафельное полотенце и трусы. Трусы были широченные, старые, давно потерявшие свой синий цвет.

— Это не мой, — весело сказал Сорокин-младший. И даже хихикнул. Наверно, пять таких Сорокиных можно было поместить в эти огромные трусы.

— А твои мы сожгли, — равнодушно сказал солдат.

— Как сожгли?

— Очень просто. Как положено. Заражённое обмундирование.

Он говорил по-прежнему спокойно, равнодушно, без улыбки, но всё-таки у Валерки ещё оставалась надежда, что он шутит. В другой бы раз он обрадовался, что его одежду называли обмундированием, но теперь ему было не до смеха.

— Да-а... сожгли... — протянул он. — У меня там ещё рубашка была... Новенькая... И штаны...

— И штаны сожгли, — сказал солдат.

Он отвернулся и принялся считать полотенца.

— А как же я? — всё ещё не веря в то, что произошло, спросил Сорокин-младший дрогнувшим голосом.

Солдат продолжал считать полотенца. Он только молча пожал плечами.

Потом оторвался от своих полотенец и сказал:

— А так и шпарь в трусах... Только не забудь трусы придерживать.

Валерка представил себя, бегущего по военному городку в этих широченных, выцветших, развевающихся трусах и чуть не заплакал.

Всё было так хорошо, так здорово, так весело — и на тебе!

Что было делать?

Он надел трусы. Ну, пятерых не пятерых, но троих Сорокиных в них вполне можно было всунуть.

Валерка опустил на деревянную скамейку и сидел так, не шевелясь, притихнув от горя.

Он и не подозревал, что как раз в этот момент там, за деревянной перегородкой, всего в нескольких метрах от него прошагал его старший брат.

Сорокин-старший обошёл уже добрую половину военного городка.

«Уж я ему покажу! — повторял он про себя. — Я ему покажу!»

Если бы он догадывался, в каком плачевном положении находится сейчас его младший брат, наверняка он бы пожалел его и пришёл ему на выручку. Ещё утверждают, что существует какая-то телепатия, передача мыслей на расстояние! Да разве, если бы существовала эта самая телепатия, мог бы Сорокин-старший пройти мимо и не почувствовать, что его младший брат сидит, печальный и полуголый, всего в нескольких шагах от него! А он прошёл и не почувствовал. И уж если родному брату ничего не подсказало сердце, то на чью же ещё помощь мог теперь рассчитывать Валерка?!

Выходит, ничего не оставалось ему, как мчаться в солдатских трусах через весь военный городок — мимо казармы и мимо столовой, мимо солдатского магазина. И все наверняка будут спрашивать: «Кто это мчится в таких чудовищных трусах?» И отвечать: «Это брат рядового Сорокина!» Валерка представил себе, какой это длинный путь, и ещё представил, как появится он в таком виде перед замполитом, перед старшим лейтенантом Кудрявцевым! Он даже зажмурился и головой замотал, как от зубной боли.

— Ну что, допрыгался? — услышал он.

Это был тот самый маленький солдат, который приказал тащить Валерку под душ. Только сейчас он появился перед Валеркой уже без противогаза и без защитного костюма, и Валерка теперь увидел три нашивки на его погонах — сержант!

У сержанта оказалось кирпично-красное от загара лицо и рыжеватые брови.

— Допрыгался, говорю? Ты чей будешь?

Сорокину совсем не хотелось разговаривать с этим человеком, но попробуй тут не поразговаривай, когда даже подняться на ноги не можешь, не придерживая одной рукой труссы!

— Я — Сорокин, — хмуро сказал он.

— Ах, ты ещё и обманщик! — сердито сказал сержант. — Испугался, что родителям доложу? Признавайся, как твоя фамилия?

— Сорокин, — обиженно повторил Сорокин.

— Ну вот что, друг, — сказал сержант, — ты мне не заливай, я тут второй год служу, всех офицеров знаю, нет у нас такого — Сорокина...

— А я не офицерский, — сказал Сорокин, пошмыгивая носом, — я к брату приехал... К рядовому Сорокину.

И тут он заметил, что сержант несколько смутился. И как это нередко бывает со взрослыми, от смущения рассердился ещё больше.

— Видишь ведь, что люди делом заняты. Серьёзным делом. Может быть, даже самым серьёзным, серьёзнее не бывает. Зачем мешать? Под руки зачем лезть? Чтобы этого больше никогда не было! Понял? Щавелёв! — крикнул он. — Принеси-ка хлопцу обмундирование!

Появился сутулый Щавелёв, и — о чудо! — у него в руках Сорокин-младший увидел свою рубашку и свои штаны. Какая это была замечательная рубашка и какие замечательные штаны! Ни у кого никогда не было рубашки и штанов замечательнее!

Одеваться Сорокина не пришлось уговаривать. Он очень вежливо попрощался с солдатами и вылетел на улицу. И тут сразу же попал в объятия Сорокина-старшего, который как раз возвращался после бесплодных поисков.

Какие именно слова он произнёс, увидев своего брата, пожалуй, не стоит рассказывать. Об этом нетрудно догадаться. Но всё равно Сорокин-младший был счастлив.

5. Что сказала мама

— Какой стыд! Какой стыд! — сказала мама братьев Сорокиных. — Неужели мы для того ехали сюда тысячу двести километров, чтобы моего сына, как поросёнка, мыли под душем?! И чтобы потом он сидел полуголый, как какой-нибудь арестант! И позорил бы нашу семью на весь гарнизон! Какой стыд! Какой стыд!

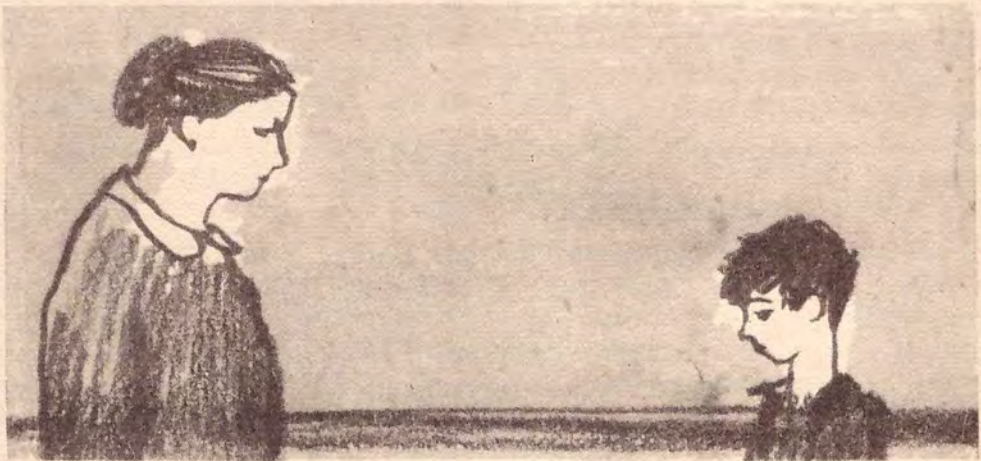
Мама братьев Сорокиных так расстроилась, что хотела немедленно отправиться обратно домой, но потом всё-таки передумала и осталась.

— Только смотри — от меня ни шагу! — строго сказала она Сорокину-младшему.

Они поселились в гостинице неподалёку от военного городка. И хотя гостиница тоже была военная и там жили военные люди, Валерка понял, что теперь путь в военный городок для него закрыт. Одно дело въехать туда на газике вместе с замполитом роты, в которой служит твой брат, а другое — явиться самому.

И теперь в первый раз Сорокин всерьёз пожалел о своём поступке: не случись всей этой истории, может быть, их поселили бы и в самом военном городке, кто знает...

— Ты бы хоть о своём брате подумал, — ещё сказала мама, — каково ему теперь перед командирами? ..

6. Что сказал Сорокин-старший

— Да, — сказал Сорокин-старший. — Да. Мне вполне хватает собственных неприятностей. (Последнюю фразу, правда, он произнёс не вслух, а про себя.) И ты учти, что если в армии каждый будет разгуливать, где ему вздумается, и вообще делать, что его душа пожелает, то это будет не армия, а...

И тут Сорокин-старший остановился, потому что в тех словах, которые он сейчас говорил, ему почудилось вдруг что-то очень знакомое. Как будто он не раз уже их слышал.

А когда Сорокин-старший сообразил, от кого он эти слова слышал, он окончательно смутился. Потому что слышал он их от старшины роты. И говорились они, эти слова, в назидание ему, рядовому Сорокину.

— Подумай сам, что получится, — сердясь на самого себя, сказал он Валерке, — сегодня ты забрёл к химикам, в учебное подразделение...

— А что они делали? — быстро спросил Валерка.

— Это химики-разведчики. Сейчас они учатся. А вот если война начнётся, если враг, допустим, применит отравляющие вещества или сбросит атомную бомбу, химики первыми пойдут в заражённую зону со своими приборами, чтобы определить, сильно ли заражена местность... И людей, тех, кто попал в заражённую зону, спасать будут — вот как тебя сегодня... Я и говорю: сегодня ты забрёл к химикам, а завтра тебя, может быть, занесёт на стрельбище! Под пули. Так, что ли? — Теперь Сорокин-старший уже говорил вроде бы своими словами, и это его воодушевило. Сейчас самое время было рассказать какую-нибудь назидательную историю, поучительный случай, но в голову, как назло, лезли лишь всякие пустяковые забавные происшествия. — И вообще в армии с оружием, да с солдатским снаряжением, да с техникой шутки плохи. Вот я тебе расскажу сейчас историю про одного человека из нашего взвода. Человек этот считал себя очень хитрым...

И опять Сорокин-старший прервал себя на полуслове, заколебался вдруг, рассказывать дальше или нет, потому что хитрым человеком был он сам. Но Валерка уже настоужился, и отступить было поздно.

— И вот в самом начале солдатской службы, когда взводу выдавали противогазы, этот человек решил словчить. Он подумал, что если возьмёт противогаз размером побольше, то ему в этом противогазе будет легче дышать, а значит, и легче работать и легче бегать. И вообще будет легче, чем остальным. Он так и сделал. Правда, старшина, который выдавал противогазы, всё норовил дать ему маску поменьше, но тот человек всё-таки сумел убедить старшину. «Ладно, посмотрим», — сказал старшина. И этот хитрый человек тогда не обратил внимания на эти его слова, на это «посмотрим». А напрасно.

Когда выдача противогазов закончилась, весь взвод привели к небольшой землянке и построили, и велели надеть противогазы. И хитрый человек тоже стоял в строю и радовался — потому что дышать ему было, и верно, легче, чем другим. Тем временем солдаты по очереди входили в землянку и затем выходили уже с другой стороны, вроде как ты сегодня в душевой у химиков. Сколько они задерживались в землянке, я сейчас уже точно не помню, может быть, три минуты, а может быть, и десять, не скажу наверняка. Когда солдаты выходили из землянки, им наконец разрешали снять противогазы, и лица у них были распаренными, красными, как после бани. С непривычки. И вот очередь дошла до меня... то есть что это я говорю, — очередь дошла до нашего хитрого человека. Он шагнул в землянку и сразу почувствовал что-то неладное. В носу у него защипало и глаза начало есть, как дымом, и потекли слёзы, и сразу стало трудно дышать. И тогда он не на шутку перепугался, ему показалось, что он так и задохнётся в этой землянке. Он едва успел отыскать выход, потому что сквозь слёзы уже ничего не видел. Так, ошалев от страха, он выскочил на свежий воздух и моментально содрал противогаз. И тогда к нему подошёл старшина: «Ну, как, убедились?» Но этот хитрый человек и тут решил словчить, он немного уже успел прийти в себя и подумал: теперь всё равно землянка с газом уже позади, самое неприятное его миновало, и сказал: «А что, по-моему, маска мне как раз... В самую пору...» — «Ах, так, — сказал ему старшина, — ну, тогда попробуй ещё разок...» — «Нет, нет, — перепугался хитрый человек. — Пожалуй, и верно, она мне слегка великовата...» Так закончилась эта история с противогазом. Но и после этого он ещё не раз

пытался ловчить, однако, видно, так уж устроена жизнь в армии, что всякий раз хитрость оборачивалась против него самого, что обманывал он сам себя... Понятно? Вопросов нет?

— Понятно, — сказал Сорокин-младший. — Только откуда ты узнал, что думал этот хитрый человек? Он тебе рассказывал, да?

— А ты сообразителен не по летам, — сказал Сорокин-старший и засмеялся. — И вообще тебе пора спать.

Сорокин-старший посмотрел на часы и заторопился. Потому что какие бы дела ни отвлекали солдата, кто бы ни приезжал к нему в гости, а к вечерней поверке солдат обязательно должен быть в казарме.

Потом Сорокин шагал по тихим и тёмным улицам посёлка к военному городку, и мысли его невольно всё возвращались к той поучительной истории, которую он рассказал брату. И ещё разные другие случаи вспоминались ему, которые вовсе не обязательно было знать Валерке. «А ведь и верно, всякая хитрость здесь, в армии, всегда оборачивалась против меня же...» Просто он как-то не задумывался раньше над этим. А теперь вот произнёс эти слова и даже сам удивился — до чего же точно!

7. „Будьте спокойны, товарищ старший лейтенант...“

Больше всего не любил Сорокин-старший заправлять койку. Бывало, натянет как попало одеяло, похлопает ладонью по матрасу — и ладно. А потом явится старшина, посмотрит, покачает головой, скажет: «Разве это солдатская койка у вас, Сорокин? Это же у вас картина Айвазовского. „Девятый вал“». После этих слов сдерёт одеяло с койки, и Сорокину приходится заправлять всё заново. И так почти каждый день.

Но сегодня Сорокин старался совсем не ради старшины. Просто вдруг представилось ему — войдёт Валерка в казарму и спросит:

— Это чья койка хуже всех заправлена?

А ему ответят:

— Это койка твоего брата — рядового Сорокина.

А потом посмотрит Валерка, как делает рота зарядку, и спросит:

— Это кто там не в силах оторвать ног от земли?

А ему ответят:

— Это твой брат — рядовой Сорокин!

И ещё спросит Валерка:

— Это у кого сапоги грязнее всех?

И опять ему скажут:

— Это у твоего брата — рядового Сорокина!

Нет, никуда не годится такое дело.

Оттого и старался в этот день Сорокин-старший, что

всё время о Валерке думал. Пример-то подавать надо? Надо.

И койку заправил он так, что не отличишь от любой другой. И сапоги начистил так, будто в увольнение собрался, и на зарядке так старался, что запарился даже.

День начался с занятий по политподготовке. Обычно на занятиях Сорокин старался не попадаться на глаза преподавателю. Юркнет куда-нибудь в уголок класса, за последний стол и сидит там себе тихонько.

Но сегодня занятия проводил старший лейтенант Кудрявцев. И не к лицу было Сорокину прятаться от старшего лейтенанта.

Сорокин храбро уселся за самый первый стол и весь час не сводил глаз с замполита.

А замполит рассказывал о военной тайне, о солдатской бдительности, о коварных происках наших врагов и о других не менее важных вещах.

— ... Бывает порой, — размеренно говорил старший лейтенант Кудрявцев, — мы не придаём значения какой-нибудь мелочи, пустяку, а на самом деле оказывается, это и не мелочь, и не пустяк вовсе. А тоже военная тайна. — Он пробежал глазами по классу и остановился на Сорокине. — Вот скажите мне, рядовой Сорокин, вам приходилось когда-нибудь получать на складе продукты для солдатской столовой?

— Так точно, приходилось, — сказал Сорокин. Уж кто-кто, а он, пожалуй, чаще всех бывал в кухонном наряде. Чего только ему не приходилось!

— И чай получали?

— Так точно, и чай.

— А сколько пачек?

— Так уж не помню. Это дежурный по кухне считал.

— Ну, хорошо. Допустим, вы получили двадцать пачек по пятьдесят граммов грузинского чая. Будет это военной тайной или нет, как по-вашему?

Сорокин пожал плечами.

Подумаешь — чай! Если бы патроны он получал или там гранаты! А то чай!

Но на всякий случай он не сказал ни «да» ни «нет» — чувствовал в вопросе старшего лейтенанта подвох. Ни с того ни с сего не завёл бы тот разговор о чае.

— Не знаете? А я вам скажу: будет. Будет военной

тайной. Почему? А вот подумайте сами. Известна суточная солдатская норма: сколько чая положено на одного человека. Известно, сколько чая получено на всю часть. Значит — что? Значит, уже легче лёгкого вычислить, сколько всего солдат в части. Задача для третьеклассников. Теперь понятно, Сорокин?

— Понятно, товарищ старший лейтенант.

— Так сколько же чая вы получали?

— Не помню, товарищ старший лейтенант.

— Вот и прекрасно. Так и отвечайте, если вас будут спрашивать. Садитесь.

Сорокин сел. Надо эту историю про чай обязательно запомнить и рассказать Валерке. Можно и присочинить кое-что. Для убедительности.

«Стою я, значит, однажды в магазине. За мной старушка пристроилась. «Погляди, — говорит, — солдатик, чай цейлонский есть али нет?» Ну, я сразу сообразил, что неспроста это она чаем интересуется. И верно — шпионом оказалась. Переодетым. Шпионы — они любят под старушек маскироваться».

Сорокин так расфантазировался, что и не заметил, как кончился второй час занятий. Во время перерыва замполит подозвал его к себе. Они вышли на улицу, присели на скамейке возле солдатской курилки.

— Ну, как ваши гости? — спросил старший лейтенант Кудрявцев.

— Всё в порядке, — сказал Сорокин.

— Вы всё-таки за своим братом присматривайте, а то не ровен час — какая-нибудь неприятность случится, я вижу, непоседливый он у вас парень...

Сорокин ждал, что замполит станет отчитывать его, ругать за вчерашний случай, а то и намекнёт даже на сходство характеров братьев, но замполит говорил совсем не сердито, а вроде бы просто рассуждал вслух, подружески. Словно присели на скамейку два командира и обсуждают, как лучше поступить с непослушным подчинённым.

— Будьте спокойны, товарищ старший лейтенант, — сказал Сорокин. — Теперь он без меня ни шагу. Я с ним вчера воспитательную беседу провёл. Да и мать его от себя не отпустит. Сейчас он в гостинице сидит. Так что вы можете...

И тут Сорокин растерянно замолчал.

Он увидел, что старший лейтенант Кудрявцев больше не слушает его.

Старший лейтенант Кудрявцев медленно поднимался со скамейки и вытягивался по стойке «смирно».

Прямо к казарме как ни в чём не бывало направлялся Сорокин-младший.

А рядом с ним, держа Сорокина за руку, не спеша шёл седой незнакомый генерал.

8. Как Сорокин-младший познакомился с генералом

Утром Валерка проснулся в неважном настроении. Мысль о том, что путь в военный городок теперь для него закрыт, не оставляла его даже ночью.

Он выглянул в окно и увидел высокого седого человека. Человек был в синих тренировочных шароварах и белой шёлковой майке.

Высоко поднимая ноги, он бегал по дорожке вокруг гостиницы. Пробежал под Валеркиным окном, скрывался за углом дома и через некоторое время появлялся снова.

«Один, два, три...» Десять кругов насчитал Валерка, а человек всё бегал. Валерка бы считал и дальше, но тут его прогнала от окна мама и отправила умываться.

Пока Валерка умывался, он всё размышлял об этом странном седом человеке. Он никогда ещё не видел, чтобы человек, который наверняка годился ему в дедушки, бегал точь-в-точь как настоящий спортсмен. Интересно, зачем это ему понадобилось?

Потом Валерка с мамой пошли в буфет завтракать, и тут Валерка снова увидел этого странного человека.

Валерка взглянул на него и даже рот разинул от удивления. Раньше он думал, что это только так говорится: рот разинул от удивления. Для выразительности. Говорят же ещё: глаза на лоб полезли. А на самом деле разве могут глаза на лоб вылезти?

Но сейчас Валерка, и правда, почувствовал, как сам собой приоткрылся его рот.

Седой незнакомец направлялся к их столику. Только теперь он был уже не в спортивных шароварах и не в белой майке, а в кителе и в брюках с широкими красными лампасами. И золотые генеральские погоны сверкали на его плечах.

За секунду перед этим Валерка лениво ковырял вилок в сковородке с яичницей, которую ему взяла на завтрак мама, а тут он и совсем забыл про еду.

Генерал между тем вежливо осведомился у мамы, не занято ли место, поставил на столик стакан со сметаной, посыпанной сахаром, и тарелку с двумя булочками, не спеша сел за стол и так же не спеша опустил ложку в стакан.

Сорокин-младший не сводил с него глаз.

Он никогда не предполагал, что генералы по утрам едят сметану, посыпанную сахаром.

— Валера, яичница стынет, — строго сказала мама.

И по её тону Сорокин-младший понял, что мысленно она произнесла совсем другие слова: «Не гляди в рот человеку», «Веди себя прилично», «Ты за столом» — или что-нибудь в этом роде.

Может быть, генерал тоже услышал эти мысленно произнесённые мамой слова, потому что он пристально посмотрел на Валерку, словно прикидывал, оставаться за одним столиком с таким невоспитанным человеком или лучше пересесть на другое место.

Валерка торопливо схватил булку и принялся жевать.

— Валера! — вскрикнула мама. Она вдруг ужасно смутилась, пунцовые пятна выступили у неё на щеках и на шее. — Валера! Посмотри, что ты делаешь!

А что он делал? Он ничего не делал. Он жевал булку

Но теперь уже и генерал смотрел на Валерку с интересом.

— Ради бога, извините нас! — сказала мама генералу.

— Ничего, ничего, — сказал генерал. — Я очень рад, что у молодого человека появился аппетит.

И тут...

И тут Сорокин-младший вдруг обнаружил, что ест генеральскую булочку! Да, да, его, сорокинский, кусок булки преспокойно лежал на столе, а на тарелке у генерала не хватало одной булочки!

Когда-то, во втором классе, учительница говорила, что легче сдвинуть с места рояль, чем заставить Сорокина покраснеть.

Поглядела бы она на него сейчас!

Наступи в эту минуту солнечное затмение, уши Сорокина-младшего сверкали бы в темноте, как два семафорных огня.

В каких только перипетиях не приходилось бывать Сорокину-младшему за его недолгую жизнь! Но никогда, никогда с ним ещё не случалось ничего ужаснее!

— Извините, извините нас... — повторяла мама.

Она хотела было идти к буфету покупать генералу новую булочку, даже расстегнула уже сумку, чтобы достать восемь копеек, но генерал удержал её.

— Что вы! — сказал он. — Какие пустяки! Скажу по секрету: я даже и не люблю эти булочки. Это врачи мне прописывают диету. Ничего не поделаешь. Так что можно считать, молодой человек просто выручил меня.

— Нет, нет, не оправдывайте его, — приходя в себя от смущения, сказала мама, — он этого не заслужил.

— Ну, ну, вы совсем его смутили, — сказал генерал. — А ты, молодой человек, не теряйся. Запомни: главное для будущего солдата не теряться ни при каких обстоятельствах. Понял?

— Понял, — сказал Валерка.

— К отцу, наверно, приехал?

— Никак нет, — сказал Валерка. — К брату. К рядовому Сорокину. Может быть, знаете?

— Нет, — грустно покачал головой генерал, — не знаю. Я ведь здесь тоже только гость. Да, — продолжал он, уже обращаясь к Валеркиной маме, — второй год уже в отставке. А служил когда-то в этих местах. Вот и приехал поглядеть, молодость, что называется, вспомнить. Хотел внука с собой взять, да папа с мамой не пустили. Говорят, надо готовиться в музыкальную школу. Ну что ж, им виднее. — Генерал опять вздохнул и сделался ещё грустнее.

Наверно, вовсе не хотелось ему, чтобы внук поступал в музыкальную школу. Наверно, мечтал он, чтобы внук его тоже стал военным человеком.

Станным показалось Валерке, что есть где-то люди, которые могут не слушаться генерала. И ему сразу захотелось сделать что-нибудь приятное этому человеку.

— Хотите, я с вами ходить буду вместо внука? — сказал он.

— Валера! — возмутилась мама.

— А что! — сказал генерал повеселевшим голосом. — Меня такая компания устраивает.

— Вы даже не представляете, сколько с ним хлопот! — сказала мама.

— Ничего, с целым полком управлялся, а с одним будущим солдатом как-нибудь управлюсь, — сказал генерал. — Правда?

— Правда, — сказал Сорокин-младший.

Стыдно признаться, но в этот момент он даже засомневался — настоящий ли это генерал? Настоящий генерал должен быть суровым и грозным, отдавать приказания

громким командирским голосом. А этот был совсем не похож на настоящего генерала.

Но все Валеркины сомнения моментально рассеялись, когда они с генералом вышли из гостиницы. На улице их ждал армейский газик.

Шофёр торопливо отдал генералу честь и распахнул перед ним дверцу.

Сорокин-младший поспешно забрался на заднее сиденье, а генерал сел впереди.

Второй раз Сорокин-младший торжественно въезжал в военный городок.

9. Как Сорокин-младший разговаривал с генералом

Сколько событий выпало в этот день на долю Сорокина-младшего!

Вместе с генералом он побывал в штабе у командира полка.

Ещё он видел полковое знамя. Возле знамени, в штабе, стоял часовой с автоматом. И генерал, когда проходил мимо, подтянулся и отдал знамени честь.

А когда они вышли из штаба, генерал спросил:

— Ну, а ты, судя по всему, мечтаешь стать военным человеком?

— Да, — сказал Валерка.

— А твой брат кто?

— Связист.

— И ты связистом будешь?

— Ну вот ещё! — пренебрежительно сказал Сорокин-младший. — Подумаешь — связистом! Я хочу ракетчиком быть. Или десанником.

Генерал вдруг обиделся.

— Ну знаешь! — сердито сказал он. — А ты думаешь, ракетчики без связистов обходятся? Кто им команды передаст? Кто приказ сообщит? Кто донесения разведки доложит? Нет, брат, без связистов они как без рук. А кого вместе с разведчиками-десанниками первым в тыл противника забрасывают? Радиста! А кто последним покидает гиб-

нущий самолёт? Радист! Да без хорошей связи, если хочешь знать, сейчас ни один командир и командовать по-настоящему не сумеет. А ты говоришь — десанником! А аппаратура! — сказал он ещё. — Ты знаешь, какая у них аппаратура!

— Ладно, я ещё подумаю, — миролюбиво согласился Сорокин-младший. Ему понравилось, как говорил генерал о связистах. Получалось, что его брат чуть ли не самый главный человек в армии. И ещё понравилось ему, что генерал спорил с ним совсем как со взрослым, всерьёз.

— Вот, вот, подумай, — сказал генерал. — Тут есть над чем подумать.

10. „Ещё бы мне их не помнить!..“

— Вольно, вольно, — сказал генерал, когда они подошли к стоявшим по стойке «смирно» старшему лейтенанту Кудрявцеву и рядовому Сорокину. — Продолжайте заниматься своим делом.

— А у нас перерыв, — сказал старший лейтенант Кудрявцев. Он вдруг шагнул навстречу генералу и радостно воскликнул: — Товарищ полковник!..

Сорокин-старший изумлённо взглянул на замполита — неужели тот так растерялся от появления начальства, что уже не может отличить генеральские погоны от полковничьих! Он громко кашлянул, чтобы намекнуть замполиту на его оплошность. Но было уже поздно, — генерал, прищурившись, в упор разглядывал старшего лейтенанта Кудрявцева.

— Сержант Кудрявцев! — неожиданно закричал он. — Вот так встреча! Сколько же лет мы с вами не виделись?

— Восемь лет, товарищ полковник, виноват, товарищ генерал, — сказал старший лейтенант Кудрявцев.

— Да, да, совершенно точно, восемь лет. Последний раз мы встречались с вами на учениях. Помните вы эти учения, Кудрявцев?

— Помню, товарищ генерал. Ещё бы мне их не помнить! Я их, наверно, на всю жизнь запомнил.

— Интересно, интересно, что же вы всё-таки запомнили? Расскажите-ка. Вот и солдаты ваши послушают, им тоже любопытно.

Солдаты, и верно, уже успели окружить генерала и братьев Сорокиных и теперь с интересом смотрели на замполита, ждали, что он расскажет.

— Значит, так. Дело было на больших учениях. Наша радиостанция обеспечивала связью командный пункт. Поставили мы свою машину в лесочке, замаскировали, как положено, всё нормально. Сидим в машине, работаем. А работы, надо сказать, было много. И обстановочка нелёгкая — помех в эфире полно. Шум, треск в наушниках, пока радиограмму примешь — намучаешься. А ещё накануне нас предупредили, что через наши головы артиллерия будет вести огонь настоящими боевыми снарядами — это,

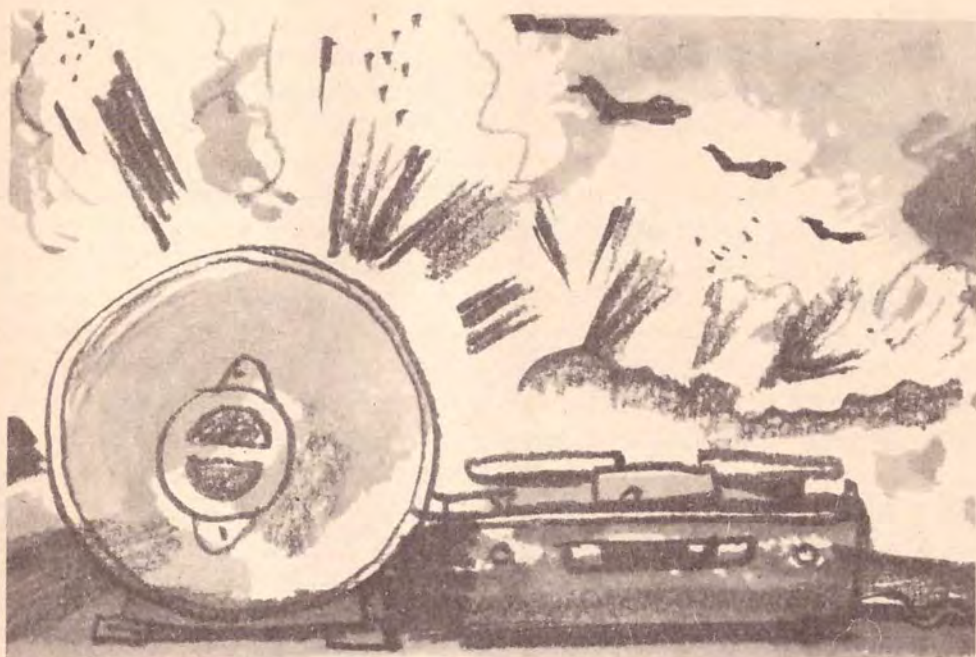
значит, для того, чтобы мы к боевой обстановке привыкали. Слышим, пушки бить начали. Не очень-то приятное ощущение. Но работаем. И вдруг... Вот честное слово, даже теперь, как вспомню, так мороз по коже продирает... Вдруг такой душераздирающий свист и вслед за ним сразу грохот! И ещё! И ещё! Ну прямо рядом с нашей машиной рвутся снаряды! «Конец, — думаю, — всё, конец!» Вижу, мой напарник, Коля Малинин, побелел, голову руками обхватил. А тут ещё рёв самолётов, бомбы свистят, еле я себя заставил на месте усидеть. И вдруг дверь машины распаивается и на пороге — полковник. Помните, товарищ генерал, какие тогда у нас лица были? ..

— Помню, помню, Кудрявцев, всё помню...

— Вы тогда ещё остановились на пороге и говорите: «Связь давайте! Связь, где связь?!»

— Ну, положим, я в тот момент не говорил, наверно, я кричал, не так ли? — усмехаясь, сказал генерал.

— Да всё равно слов-то не было слышно. Я по губам только и догадался, что вы говорили. «Какая тут связь, — думаю, — тут бы живым остаться! Не видит он, что ли, что творится! Не иначе, как наши артиллеристы ошиблись и в нас начали садить, вместо того, чтобы через наши головы стрелять». Жестами я что-то показываю, а сам, наверно, выгляжу не лучше моего напарника. Тогда полковник отстранил меня, сам наушники надел, сел к передатчику. Ну, тут меня заело! Он, выходит, не боится, а я боюсь. К тому же, без наушников да без дела уж и совсем невмочь слышать этот грохот да ждать, когда в тебя снаряд влепят. Короче говоря, всё-таки сел я к радиостанции, работать начал. Вижу, и Коля Малинин понемножку оживать стал. Вокруг свистит, воеет, грохочет! Да нет, не рассказать словами, что тогда творилось, это слышать надо. С тех пор я, кажется, больше такого скверного состояния никогда не испытывал. Потом затихать всё стало; выбираемся мы из своей машины, ощущение такое, как будто заново родились, слабость во всём теле, гимнастёрки к спинам прилипли, мокрые от пота. Выбираемся и вдруг видим: рядом установка стоит — с магнитофоном, с мощным усилителем и динамиком. Так вот в чём дело! Вот откуда грохот! А полковник смотрит на нас и улыбается. «Что, — говорит, — натерпелись страху? Ничего, ничего, надо привы-

кать к боевой обстановке. А то приучились работать в тишине, как у мамы под крылышком...» Правильно, товарищ генерал? Было такое?..

— Было, было такое...

— И вот ведь что интересно. Потом уж мы отлично знали, что это только звукозапись, что никакого настоящего обстрела нет, а всё равно каждый раз не по себе делалось.

— Да, — сказал генерал и оглядел солдат, столпившихся вокруг него и старшего лейтенанта Кудрявцева. — Пересилить страх — это великое дело. Тот, кто свой страх пересилил, тот имеет право относиться к себе с уважением. И ты это тоже запомни, тебе это тоже пригодится, — сказал он специально Сорокину-младшему и потрепал его по плечу.

— А я и не боюсь ничего! — сказал Сорокин-младший.

— Да ну? — сказал генерал.

Сорокин-старший дёрнул брата за рукав — мол, нехорошо вступать в спор с генералом.

— И не дёргай меня, пожалуйста, — сказал Сорокин-младший. — Я и тебя не боюсь.

Солдаты вокруг засмеялись.

— Это ещё надо проверить, — сказал старший лейтенант Кудрявцев. — Вот вы, товарищ генерал, наверно, помните, был у нас во взводе такой солдат — Шкляренко. . .

— Ну, конечно, помню. Такой здоровый парень, широкоплечий? Из музвзвода? Намучились мы с ним.

— Ну да, он самый. Его к нам из музвзвода перевели. Для исправления. А какое тут исправление? Он старше любого из нас был, второй год уже служил, а мы все — первый, только-только свою службу начинали. Он и принялся нами командовать. То в магазин кого из нас пошлёт, то вместо себя пол мыть заставит. «Я, — говорит, — уже вышел из того возраста, чтобы полы мыть. Поняли, салажата?» А мы спорить с ним не решались — он уже и в самовольные отлучки ходил, и на гауптвахте сидел, ему вроде всё нипочём было. И начальству жаловаться тоже не хотели. А он, бывало, соберёт вечером вокруг себя нашего брата и давай расписывать свои похождения. И в столовой: все обычные порции получают, он — к повару за мясом бежит. «Учитесь, — говорит, — салажата. Мы с этим поваром на гауптвахте на соседних топчанах кантовались. Разве он своему лучшему другу откажет?» И кое-кто из нас уже подражать начал Шкляренко, подмазываться к нему. А тут как раз подошли зачёты по огневой подготовке — метание боевых гранат. Заняли мы свои места на огневом рубеже, в окопе. Бросаем гранаты. Кто дальше, кто ближе — у кого насколько сил хватит. Надо сказать, первый раз иметь дело с боевой, настоящей гранатой немножко страшновато — всё кажется: вдруг кольцо сорвёшь, а бросить её не успеешь. . . Но ничего, виду не показываем. Наконец дошла очередь до Шкляренко. Ну, думаем, этот верзила сейчас все рекорды побьёт. А он за кольцо дёрнул и стоит, держит гранату. Руку разжать не решается. «Да бросай ты её! Бросай!» — кричит ему командир взвода. А у того пальцы аж побелели — не может разжать, и всё. Смотрит на командира взвода расширившимися глазами и вроде не слышит, не понимает ничего. Но потом видим — рука у него начинает медленно разжиматься, вот-вот выпустит гранату на дно окопа. Тут командир взвода подскочил к нему, выхватил гранату и швырнул. «Шагом марш, — говорит, — отсюда, чтобы я вас больше не видел!»

Вот с тех пор Шкляренко в нашем взводе и прозвали гранатомётчиком. Чуть что: «А ты гранатомётчика спроси!», «Где гранатомётчик?», «Пойди, позови гранатомётчика!» Совсем затюкали человека. Куда весь его гонор делся! Как вспомним, как он стоял с побелевшими пальцами, с выкатившимися от страха глазами, так смех разбирает. Сначала он ещё пытался отбрыкиваться, а потом совсем сник. Стал тише воды, ниже травы...

— Вот оно что! — засмеялся генерал. — А я ещё удивлялся тогда: что это со Шкляренко случилось? Не узнать стало человека... А скажите, Кудрявцев, капитана Бабушкина вы помните?

— Бабушкина? Лучшего лыжника полка? Как же не помнить!

— Недавно встретил его. Подполковник уже. Полком командует. А рядового Евсевича помните?

— Это который у вас в шахматы в турнире выиграл?

— И это не забыл, ты смотри-ка! — радостно воскликнул генерал. — А всё-таки у меня тогда позиция лучше была — это я ему по-глупому коня прозевал. А так бы он ни за что у меня не выиграл. Если бы я тогда...

«Интересно, — размышлял Сорокин-старший, — вот встретятся через несколько лет старший лейтенант Кудрявцев, допустим, с ефрейтором Халдеевым. И начнут перебирать старых знакомых. «А рядового Сорокина ты помнишь?» — спросит Кудрявцев. «Это какого Сорокина? — скажет Халдеев. — Который полы каждую неделю драил?» Неужели о нём больше и вспомнить нечего будет?»

И от таких мыслей Сорокину-старшему стало очень грустно.

— Кажется, мы слишком увлеклись воспоминаниями, — вдруг спохватился генерал. — Пора и честь знать. Какие у вас занятия по расписанию?

— Материальная часть, товарищ генерал, — быстро доложил ефрейтор Халдеев. — Включение и выключение радиостанции.

— Ну вот и отлично. Занимайтесь. А мы с молодым человеком посмотрим.

11. „На твою долю тревог ещё хватит...“

Радиостанция размещалась в крытой машине.

Одна за другой вспыхивали сигнальные зелёные лампочки. Вздрагивали тонкие, как волосок, стрелки приборов. В серых металлических шкафах начинало что-то гудеть, щёлкать. Треск и шорох раздавались в наушниках.

Один раз разрешили надеть наушники и Сорокину-младшему.

Услышал он тонкий писк морзянки, услышал далёкую-далёкую музыку, услышал голоса, перебивающие друг друга.

Словно взглянул он в волшебную подзорную трубу и увидел всё, что делалось далеко вокруг, увидел то, что секунду назад было невидимым.

Снял наушники — снова тишина вокруг, только равномерно гудит что-то внутри радиостанции. Надел наушники — опять торопливо пищит морзянка, опять голоса перебивают друг друга.

— Волна, я — Берег. Волна, я — Берег, перехожу на приём, — говорит один голос.

— Третий, я — Первый, посадку не разрешаю, — говорит другой. — Третий, я — Первый, посадку не разрешаю. Посадку не разрешаю, как поняли, я — Первый, приём.

И сразу тревожно стало Сорокину-младшему.

Что там случилось с этим Третьим? Почему не разрешают ему посадку? Может быть, беда какая-нибудь? Может быть, надо немедленно спешить на помощь?

Сорокин-младший вопросительно посмотрел на генерала. Но генерал был спокоен. И все вокруг тоже были спокойны. Пожалуй, только один Сорокин-старший заметно нервничал. Сорокину-старшему сегодня особенно хотелось отличиться — показать, что он умеет включать и настраивать станцию ничуть не хуже, чем остальные, — и он с нетерпением ждал своей очереди.

Сорокин-младший не прочь был ещё послушать голоса далёких радистов, но тут ефрейтор Халдеев отобрал у него наушники.

Вот это был класс!

Ефрейтор Халдеев щёлкал переключателями, даже не глядя на них; наверняка и с закрытыми глазами, и в тем-

ноте ему бы ничего не стоило включить и настроить радиостанцию.

Где уж угнаться за ним Сорокину-старшему! Да и не старался Сорокин-старший, когда сел к пульту управления, опередить Халдеева, — ему бы лишь не перепутать переключатели, лишь бы не нажать второпях какую-нибудь не ту кнопку.

И снова вспыхивают зелёные сигнальные лампочки. Кажется, всё в порядке, кажется ничего не упустил, ничего не перепутал.

Ещё последняя проверочка — и можно докладывать: «Радиостанция к работе готова».

— Раз, два, три, — говорит Сорокин в микрофон. — Раз, два, три...

И вдруг — что такое? Он же точно знает, что стрелка прибора должна сейчас отклониться, а она стоит неподвижно на нуле, не вздрогнула даже, не шевельнулась.

— Раз, два, три! — уже кричит Сорокин в микрофон. Но стрелка — ни с места.

Да что же это такое?

И в наушниках — тишина, молчание полное, ни треска, ни шороха.

Может быть, микрофон испортился?

Подул Сорокин-старший в микрофон — никакого результата.

И одна зелёная лампочка уже не светится на панели. А вместо неё рядом зажглась красная.

Ах, ты, умница, ах, ты, молодчага! Сразу бы Сорокину-старшему взглянуть на эти лампочки! Это же радиостанция сама подсказывает, что у неё не в порядке!

Перегорел предохранитель — вот в чём загвоздка.

И сразу отлегло от сердца у Сорокина. Заменить предохранитель — это он умеет, это для него плёвое дело, раз, два — и готово. Сейчас все увидят, как ловко, в считанные секунды устранил рядовой Сорокин неисправность!

Но и тут не удалось отличиться Сорокину-старшему.

Только отыскал он в ящике с запасными деталями новенький предохранитель, только собрался поставить этот предохранитель на его законное место, как на весь военный городок завывла вдруг сирена, как забарабанил кто-то в дверцу машины:

— Тревога! Тревога!

— Строиться! Быстро! — закричал командир взвода.

— А предохранитель? — воскликнул Сорокин-старший.

— Ефрейтор Халдеев, — приказал командир взвода, — займитесь предохранителем, а вы, Сорокин, живо в строй!

Солдаты уже торопливо выпрыгивали из машины.

Хотел Сорокин-старший возразить: мол, он и сам прекрасно управится с предохранителем, при чём тут ефрейтор Халдеев? Почему это ефрейтору Халдееву все ответственные задания поручают? Но взглянул на своего брата, на генерала взглянул и не решился при них пререкаться с командиром.

— Тревога! Тревога!

Как звук боевой трубы, звучало для Сорокина-младшего это слово! И всё замирало и холодело у него внутри от предчувствия надвигающихся событий.

Как повезло, как посчастливилось сегодня Валерке, что явился он сюда вместе с генералом! Уж теперь-то никто не посмеет сказать ему: «Чеши отсюда!»

Вместе с генералом он выбрался из машины.

Солдаты уже стояли в строю — автоматы за спиной, на боку — противогазы. И Сорокин-старший стоял вместе со всеми. Командиры отделений проверяли солдатское снаряжение — всё ли в порядке, а командир взвода негромким голосом отдавал какие-то распоряжения и всё поглядывал на генерала.

Генерал крепко взял Сорокина-младшего за руку.

— А теперь пойдём-ка отсюда! — сказал он.

— Как? — поразился Сорокин-младший. Как это «пойдём-ка»? Да ведь сейчас самое интересное начнётся!

— Мы здесь люди посторонние, — сказал генерал. — А тревога — дело серьёзное. Не будем мешать.

Да почему же мешать?! Ему бы только посмотреть тихонечко, со стороны!

Конечно, генералу, наверно, неинтересно, он, наверно, уже тысячу раз тревоги видел! Но разве честно теперь уводить отсюда его, Валерку? Разве жалко, чтобы он взглянул хоть краешком глаза!

Всё это хотел Сорокин-младший высказать генералу, но от обиды у него сдавило горло.

— Ууу... — только и произнёс он.

А генерал между тем уводил его всё дальше, и Валерка лишь головой вертел, оглядываясь на солдат.

Они шли по военному городку прямо к контрольно-пропускному пункту.

Где-то уже ревели моторы могучих тягачей. С автоматами за спиной пробегали мимо солдаты.

— Э, да ты никак плакать собрался? — изумлённо сказал генерал. — Вот уж это никуда не годится. Ты же солдат будущий! И не надо огорчаться. На твою долю тревог ещё хватит...

Валерка отвернулся.

Мало ли что будет когда-то! Ему сейчас, сейчас нужно!

Он попробовал ускользнуть, исчезнуть незаметно. Но генерал слишком крепко держал его за руку, даже пальцами и то не пошевелить было Сорокину-младшему.

Первый раз в жизни он чувствовал себя таким маленьким и беспомощным...

Вот и ворота с контрольно-пропускным пунктом остались позади...

12. „Покажем, гвардейцы, на что способны!..“

Последние дни, а точнее, с тех пор, как появился в военном городке Валерка, Сорокину-старшему не давала покоя одна мысль, одна забота. Мечтал он, чтобы произошёл с ним, с рядовым Сорокиным, какой-нибудь необыкновенный, героический случай.

Бывают же такие случаи, происходят. Только почему-то не с ним. Рядовой Бегунков, к примеру, пожар погасил в посёлке, его командир полка часами именными награждал. Сержант Скрипкин в ледяную воду нырял — машину помогал вытаскивать. Ефрейтор Коновалов кошку спас, которая в водосточной трубе застряла. А ему, рядовому Сорокину, и рассказать родному брату не о чем. Пожар он не гасил, в воду не нырял, кошек не спасал. Как ни ломай голову, а на ум приходят только истории, подобные той, с противогозам. Или ещё почище, которые и рассказывать-то стыдно.

Не расскажешь же Валерке, как приспособился он на занятиях дремать в противогозае. Бывали у них такие часы, когда на всех занятиях сидели солдаты в противогозах. Для тренировки. А Сорокин-старший закрывает глаза и дремлет. Жарко в противогозае, быстро в сон клонит. А преподавателю не разобрать, открыты у тебя там глаза или закрыты. И надо же — лучший друг подложил Сорокину свинью. Вырезал из толстой бумаги кружки и потихоньку, пока дремал Сорокин, заклеил очки сорокинского противогоза. А потом как толкнёт Сорокина в бок!

Сорокин проснулся, глаза открыл — вокруг темнота! Что такое? Головой завертел, вскочил, ничего не понимает. Только слышит, солдаты с хохота покатываются.

Ох, и разозлился он тогда на своего лучшего друга. Три дня с ним не разговаривал. Зато и не дремал больше в противогозае; как начнут глаза слипаться, вспомнит тот случай, вздрогнет, и сон сразу как рукой снимет.

Вот какие дурацкие истории вспоминались Сорокину-старшему! Хорош же он будет в глазах своего брата, если начнёт рассказывать о подобных происшествиях!

Ясно дело, не из одних забавных случаев состояла солдатская жизнь Сорокина. Но рассказывать, как часами бился он над схемой радиостанции, как отвечал у доски,

как маршировал на строевом плацу, казалось Сорокину и вовсе скучно. Не умел он рассказывать о таких вещах.

Иное дело — тревога.

Обрадовался Сорокин, когда услышал сигнал тревоги.

И потом, пока спешно строились солдаты, пока слушали приказ: свернуть радиостанцию и прибыть в заданный район — пока торопливо и ловко опускали пятиметровую антенну, пока тряслись после в машине, радостное ожидание необыкновенных событий не оставляло его.

Колонна машин растянулась по лесной дороге. И сколько ни вглядывался Сорокин сквозь маленькие оконца своей машины, не было той колонне ни конца, ни края. Только пыль клубилась да гудели моторы.

Вот бы Валерке посмотреть на такую картину!

Он, Сорокин-старший, хотя и жил в военной городке, хотя и служил уже не один месяц и о любой машине мог сказать, зачем она и что в ней, а всё-таки изумлялся всякий раз, когда представала перед его глазами вся эта техника, скрытая до поры до времени в ангарах, гаражах и автопарках, изумлялся и не мог сдержать волнения, словно видел всё это впервые.

Потом колонна стала дробиться, машины сворачивали на просёлки и просеки, на лесные поляны и словно растворялись, исчезали в лесу.

И опять было чему изумиться! Казалось, и за сутки не укрыть, не спрятать такую колонну, такую махину — столько автомобилей, столько тягачей и бронетранспортёров. А не прошло и получаса — и вот уже пустынной стала лесная дорога, изрытая колёсами и гусеницами, и тишина опять повисла над лесом.

Солдаты вместе со своими машинами затаились в лесу и ждут что дальше?

А дальше — приказ: оборудовать позиции, рыть окопы, копать укрытия для машин.

Вот уж не по душе рядовому Сорокину была такая работа, совсем не по душе. Ещё для себя окопчик вырыть — куда ни шло, но копать укрытия для машин! . . . О-ох-хо-хо! Пока управисься, семь потов с тебя сойдёт!

Но приказ есть приказ, принялись солдаты за работу, взялся за лопату и Сорокин.

— Веселее! Веселее! — торопит командир взвода. — К рассвету всё должно быть готово.

А земля, как назло, попалась — хуже некуда. Сначала мох, упругий, как резина, потом корни кустарника, твёрдые, как проволока. Лопата звенит и отскакивает.

Валерка небось уже ждёт его, расписывает матери, как началась тревога, и что видел и чего не видел — рассказывает. Не знает, что его старший брат сейчас лопатой машет.

И комары кусают Сорокина-старшего, и ладони уже горят, и пот ест глаза.

— Веселее! Веселее! — покрикивает командир взвода. Он тоже уже взялся за лопату, пришёл на помощь солдатам. — Покажем, гвардейцы, на что способны!

Всю ночь копали солдаты землю. Только когда начало рассветать, закончили свою работу.

Еле разогнул Сорокин спину — наконец-то отдохнуть можно. Но не тут-то было.

Ещё и позавтракать солдаты не успели, ещё только забулькала каша в походной кухне, а уже пришёл новый приказ — сменить позицию!

«Да что же это такое! — хотел было возмутиться Сорокин. — Зря, выходит, мы всю ночь работали?!»

Но тут командир взвода внимательно посмотрел на Сорокина и сказал, словно угадав его мысли:

— В современной войне быстро сменить позицию — это, может быть, самое важное. Противник начнёт обстрел, а нас давно уже нет там, где он рассчитывает. А вот кто поленится, — и опять командир взвода внимательно посмотрел на Сорокина, — тому несдобровать... Вопросы есть?

— Нет вопросов, — сказал Сорокин. Он подумал, что слова командира взвода должны понравиться Валерке — стоит их запомнить.

— Тогда по машинам! — сказал командир взвода.

И опять заурчали моторы, двинулись машины вперёд. Прощайте, отлично вырытые окопы, и укрытия для машин, прощайте, приказ есть приказ...

Только прибыли на место назначения, новая команда: развернуть радиостанцию, обеспечить связь.

Со стороны посмотреть — кажется, даже и не очень торопятся солдаты, и командир взвода их не подгоняет, а на самом деле всё у них до секунды рассчитано: сколь-

ко времени нужно, чтобы антенну поднять и укрепить, сколько, чтобы кабель протянуть, сколько, чтобы движок запустить.

Лишь теперь Сорокин заметил, как болят у него руки после ночной работы, как горят ладони.

Развернули радиостанцию, связь установили — а тут и отбой тревоге.

И вроде бы радоваться нужно Сорокину — опять увидит он сегодня вечером и мать и Валерку, а в то же время и жаль, что так быстро кончилась тревога и снова не выпало никакого чрезвычайного происшествия. . .

И снова трясся Сорокин-старший в машине, рассматривал вздувшиеся на ладонях мозоли и предавался грустным размышлениям.

Рядом с ним ехал рядовой Бегунков, который в своё время погасил пожар в посёлке, и сержант Скрипкин, который нырял в ледяную воду, и ефрейтор Коновалов, который спас кошку, застрявшую в водосточной трубе. . . А ему, рядовому Сорокину, по-прежнему не о чем было рассказать своему брату. . .

13. Что подслушал Сорокин-старший

Ближе к вечеру Сорокин-старший отправился в канцелярию роты за увольнительной запиской. Дверь в канцелярию была приоткрыта, и он остановился. Он вовсе не собирался подслушивать, о чём говорят командиры, он только хотел определить по голосам, не будет ли его появление некстати.

Разговаривали командир взвода и замполит.

— . . . Я просто поражаюсь. . . — говорил командир взвода. — Его стало не узнать. Раньше, прежде чем приступить к работе, он извёл бы всех. «Товарищ лейтенант, а мне лопата тупая досталась. . .», «Товарищ лейтенант, а почему второй взвод не копает, а мы надрываемся — они что, лучше нас, да?», «Товарищ лейтенант, почему перекура долго нет?» — Командир взвода проговорил всё это ноющим голосом, он явно кого-то передразнивал, только Сорокин ни-

как не мог отгадать, кого, — вроде не было в их взводе ни одного солдата с таким противным голосом. . .

Он постучался и вошёл в канцелярию.

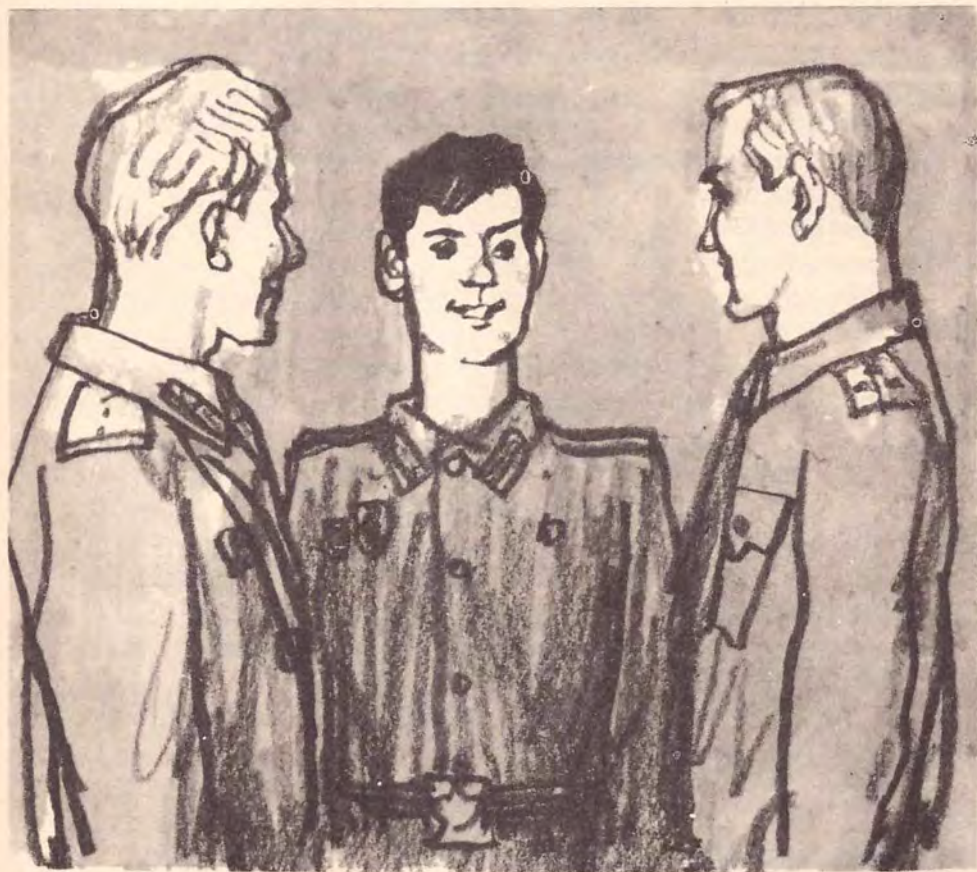
— А-а! Сорокин! — воскликнул замполит, старший лейтенант Кудрявцев. — Лёгко на помине. Мы только что о вас разговаривали.

«Да неужели? — поразился Сорокин. — Вот уж никогда бы не подумал, что у меня может быть такой отвратительный голос!»

Но вслух он этого, конечно, не высказал, ждал, что ещё скажет замполит.

А замполит сказал:

— Вот ведь можете, Сорокин, быть хорошим солдатом, когда захотите. Хвалит вас командир взвода. Гово-

рит, отличились сегодня ночью. Ну что ж, Сорокин, я рад, что не ошибся в вас. Так можете и матери вашей и брату вашему передать. Ясно?

— Так точно! — радостно сказал Сорокин. И на всякий случай сам прислушался к своему голосу.

Уже темнело, когда рядовой Сорокин подошёл к гостинице. Настроение у него было отличное. Разумеется, не мешало бы ему иметь в руках что-нибудь существенное для подтверждения слов замполита. Например, часы, на которых витиеватыми буквами было бы выгравировано: «Рядовому Сорокину — за умелые действия во время полевых учений», или, на худой случай, шахматную доску с металлической пластинкой: «Рядовому Сорокину от командования части», или. . . Короче говоря, что-нибудь такое, что бы он мог без лишних слов, как бы между прочим, показать матери и Валерке. . .

Вот ведь какое странное дело — когда ему и похвастаться было нечем, он не прочь был расписать свои заслуги, а теперь, когда и правда есть чем похвалиться и привирать не надо, Сорокин вдруг почувствовал, что неловко ему рассказывать о самом себе. Впрочем, мать по его настроению и сама, наверно, догадается. Не может быть, чтобы не догадалась.

Весело взбежал он по гостиничной лестнице, протопал по коридору, влетел в номер.

— Разрешите доложить, рядовой Сорокин прибыл! — прокричал он. — Вольно, вольно, — скомандовал затем он сам себе и только тут обнаружил, что всё его представление пропало даром: Сорокина-младшего в комнате не было.

— А где же Валерка? — спросил он.

— Как? Разве ты его не встретил? — И выражение беспокойства появилось на лице матери. — Он же только что выскочил в коридор. Извёлся совсем — всё тебя ждал, чуть шаги услышит — сразу бежит. . .

— Хм, — сказал Сорокин-старший. — Боюсь, не слишком ли далеко он выскочил. . .

Он вышел в коридор, заглянул к дежурной, спустился по лестнице — Валерки нигде не было.

Тогда он выбежал на крыльцо, громко позвал Валерку.

Никто не откликался.

14. Как Сорокин стал Воробьёвым

И почему люди так быстро забывают свои обещания! Ведь клялся же Сорокин-младший самому себе после злополучной прогулки по военному городку, что больше шагу не шагнёт никуда без разрешения, клялся и верил, что так оно и будет.

А что получилось?

Целых двое суток скучал и томился Сорокин-младший. Все его покинули, все забыли. И генерал уехал, распрощался с Сорокиным, укатил к своему любимому внуку. И брат не появляется. И неизвестно ещё, когда появится. Кто скажет, когда кончатся учения? Никто не скажет. Секрет, военная тайна.

Гулял Сорокин-младший с мамой по улицам, обедал в диетической столовой, смотрел в гостинице телевизор. Держал своё слово.

И когда в тот вечер он выскочил из комнаты, он, и правда, хотел только посмотреть, не идёт ли брат, он, и правда, вовсе не собирался выходить из гостиницы.

Но только он высунулся на крыльцо гостиницы, как увидел этого человека. Человек был удивительно похож на его брата. Конечно, лица в сумерках Валерка разглядеть не мог, но и рост и походка — всё было похоже. Никаких сомнений, что это его брат, не оставалось.

Однако Сорокин-старший почему-то быстро уходил прочь от гостиницы! Вот что было самое странное!

Валерка соскочил с крыльца и помчался вслед за братом. Когда между ними оставалось всего несколько метров, тот обернулся, и Валерка сразу понял, что ошибся.

Незнакомый парень погрозил Валерке пальцем и пошёл дальше.

А Валерка остался стоять один посреди тёмной улицы. Теперь ему и вовсе не хотелось возвращаться ни с чем назад, в гостиницу.

«Дойду только до угла, — сказал он себе. — И всё. Если не встречу брата, возвращаюсь назад».

Он дошёл до угла.

Сорокина-старшего по-прежнему не было.

«А теперь вон до того столба. И всё. Дальше ни шагу».

Несколько прохожих попались навстречу Валерке. Нарядные девушки пробежали бегом, — видно, опаздывали в клуб, на танцы. Нога в ногу, словно в строю, прошли два офицера.

«Ага, — отметил про себя Сорокин-младший. — Видно, учения уже кончились.

Теперь-то уж просто смешно было возвращаться, так и не встретив брата.

«Ну вот, до следующего фонаря. И точка, дальше ни сантиметра».

После фонаря было ещё дерево, а после дерева ещё один фонарь, а после этого фонаря газетный киоск, а после газетного киоска ещё одно дерево, а после ещё одного дерева — ещё-ещё одно дерево...

Ноги упрямо несли Валерку всё дальше и дальше.

Наконец он уткнулся в забор.

Сорокин-младший сразу догадался, что это за забор. За этим забором на фоне тёмного неба едва виднелись таинственные очертания антенн, ветер доносил оттуда слабый запах бензина и отдалённое рокотание моторов...

И сразу Сорокин-младший вспомнил все свои беды: вспомнил, как поймали его солдаты-химики и как увёл его генерал, когда началась тревога, тоже вспомнил. Неужели он так и уедет, больше не побывав в военном городке, так и не увидев близко могучих тягачей и других замечательных машин?

И тут Сорокин-младший увидел дыру в заборе.

«Да что же это такое? — обеспокоенно подумал Сорокин-младший. — Любой шпион может пролезть сквозь такую дырищу!»

И ещё он подумал, что надо обязательно доложить командиру об этой лазейке, пусть эту дыру заколотят крепкими досками и большими гвоздями, а ему, Сорокину-младшему объявят благодарность за бдительность.

Потом он юркнул в дыру между досками и оказался по ту сторону забора, в военном городке.

Сейчас, в темноте, всё здесь выглядело совсем не так, как днём. Кусты вдоль забора представлялись зарослями, и какие-то непонятные сооружения высились вдали, и казалось, совсем рядом гулко раздавались чьи-то шаги.

На минуту даже жутко стало Сорокину-младшему — ещё неизвестно, что будет, если вдруг его обнаружат здесь, — и захотелось немедленно выбраться наружу.

Он затаился, прислушался.

Всё было спокойно вокруг, тишина. Даже шаги прекратились, затихли.

Да и кто заметит его в темноте?

Никто не заметит.

Он только посмотрит издали на машины и уйдёт.

Сорокин-младший почувствовал себя разведчиком, прокравшимся в тыл противника. Ловко и бесшумно скользил он, словно тень, вдоль забора.

Крадучись, спустился в небольшой овражек, легко выбрался наверх — ни одна ветка, ни одна травинка не хрустнула у него под ногами.

Стелющимся, кошачьим шагом — вперёд, вперёд! Вот уже тёмные силуэты машин совсем рядом. Точно неуловимый призрак, точно невидимка, точно отважный индеец в неслышных мокалинах, точно. . .

— Стой! Кто идёт?!

Вздрогнул, сжался Сорокин-младший. Он даже не сразу понял, откуда прозвучал этот резкий оклик.

— Стой! Кто идёт?!

Только тут разглядел Валерка часового возле машин.

Валерка попятился, сухая трава оглушительно затрещала у него под ногами.

— Стой! Стрелять буду!

Что-то щёлкнуло.

«Затвор!» — с ужасом сообразил Сорокин-младший. Ноги у него ослабли.

Он не двигался и ждал выстрела. Щекощущая струйка пота потекла вдоль спины.

Он хотел крикнуть, предупредить, что это он — Валерка Сорокин, и не мог: язык его не слушался.

— Ложись! — громко скомандовал часовой.

Сорокин-младший послушно бухнулся в колючую траву.

Выстрела не было, и страх начал постепенно отпускать его.

— Лежи и не шевелись! Шевельнёшься — стрелять буду!

Какое там — «шевелинься»! Если бы Валерка мог, он бы и дышать перестал.

Потом он услышал топот солдатских сапог. Бежали сразу несколько человек.

Его подняли на ноги, осветили лицо фонариком.

— Пацан... — сказал чей-то голос.

— Дяденька... — начал было Сорокин-младший и всхлипнул.

— Ладно, ладно... Пошли в караульное помещение, там разберёмся, — сказал всё тот же грубоватый голос. — Шагом марш!

Сорокин-младший шагал, опустив голову. Он боялся даже подумать, что же теперь будет. Что будет, когда обо всей этой истории узнает его брат, и замполит, товарищ Кудрявцев, и мама, и все остальные!..

Спасение! Во что бы то ни стало надо отыскать спасение!

В караульном помещении солдаты окружили Сорокина-младшего и с интересом рассматривали его. Допрос вёл сержант, помощник начальника караула. У него было добродушное, круглое лицо, но стояло только перевести взгляд на его огромные кулаки, которые он то сжимал, то разжимал, словно волейболист, тренирующий пальцы, как Валерке сразу становилось не по себе.

— Фамилия? Как фамилия?

— Воробьёв, — тихо сказал Сорокин.

— Откуда пожаловал, Воробьёв?

— Из Владивостока... — ещё тише сказал Сорокин.

— Ну, ты даёшь, парень! — восхитился сержант. — Ты хоть знаешь, где Владивосток?

А курносый солдат, румяный, точно девчонка, сказал:

— Не тушуйся, пацан. Заливай дальше!

— Я не заливаю, — сказал Сорокин. — Я трое суток ехал.

— Ребята, — вмешался ещё один солдат, — а может, и верно, может, пацан правду говорит? Ты что, из дома сбежал, что ли?

— Ну да, — сказал Сорокин.

— А сюда-то как попал?

— Меня из поезда высадили, — сказал Сорокин. — Проводник знаете какой злой попался!..

— Мать-то у тебя есть?

Сорокин молча кивнул.

— Голову небось из-за тебя потеряла? Волнуется небось, переживает, ищет тебя. А, Воробьёв?

Сорокин опять ничего не ответил, только съёжился.

— Эх, Воробьёв, Воробьёв, как же ты так? Чего тебе дома не сиделось?

— У меня сестра на скрипке играет, — сказал Сорокин.

— Ну и что?

— Мешаю, говорит, ей. Из дома гонит.

— Ишь ты! Она что, не родная тебе?

— Ну да, — сказал Сорокин.

— Ребята! — сказал курносый солдат. — Здесь, кажется, дело серьёзное. Давай, давай, пацан, рассказывай, не бойся. Это, брат, никому не позволено — детей из дома

выгонять! Подумаешь — цаца, на скрипке играет! Отца-то нет у тебя?

Сорокин мотнул головой.

— Отчим, что ли?

— Ну да, — сказал Сорокин.

Он совсем разошёлся. Он рассказал про интернат, куда его определили по требованию сестры, той самой, которой он мешал играть на скрипке, и про коварную воспитательницу в интернате, по прозвищу Лиса Алиса, и про то, как он трое суток прятался под полкой в вагоне серого поезда...

— Да ты голодный, наверно? — спохватился вдруг всё тот же курносый солдат. — Есть хочешь?

— Угу, — сказал Сорокин.

И тут же перед ним оказалась банка сгущённого молока, и кружка с кипятком, и огромная горбушка серого хлеба.

— Рубай, рубай молоко, не стесняйся, — говорил сержант, подсовывая ему столовую ложку.

Сорокин и на самом деле почувствовал, что проголодался. Он принялся за еду, а солдаты с удовольствием наблюдали, как он ест.

— Ничего, не бойся теперь, мы тебя в обиду не дадим...

— Может, ещё хлеба подбросить, а?

— Ну-ка, Смирнов, принеси парню ещё кипятку!..

— Ребята! — сказал вдруг курносый. — А что, если... Оставить парня у нас... Сыном полка, а?..

— Так тебе и разрешили! Сейчас не военное время...

— Ну и что, что не военное! Если попросим... А, ребята? — Он обнял Сорокина за плечи. — Ишь ты, худющий какой! Сразу видно — некормленный... Ничего, у нас на солдатских харчах быстро поправишься! Ну как, Воробьёв, пойдёшь к нам сыном полка?

Ах, если бы он и правда был Валеркой Воробьёвым из Владивостока!

Как хорошо ему было сейчас сидеть среди солдат и чувствовать себя в центре внимания! А может быть, можно сделать как-нибудь так, чтобы он был и сыном полка, и сыном своей мамы одновременно!

— Сошьём тебе гимнастёрку, галифе, сапожки закажем, будешь, Воробьёв, щеголять — красота!

— Сейчас начальник караула придёт, в баню тебя отправим, потом спать определим, а завтра все вместе — к командиру полка!

— Да ты не горюй, Воробьёв, я вон тоже в детдоме рос, не хуже других вырос...

— Я и не горюю... — сказал Сорокин.

Он уже успел осмотреться в караульном помещении, и всё здесь нравилось ему: и пирамида с автоматами в коридоре, и топчаны, на которых, не раздеваясь, спали отдыхающие караульные, и какие-то, наверно, секретные, карты на стене, задёрнутые матерчатыми штормками...

— Я всю жизнь мечтал стать сыном полка, — сказал Сорокин. — Я...

Он не договорил.

Внезапно с грохотом распахнулась тяжёлая дверь караульного помещения.

Первым вошёл дежурный по части — капитан с красной повязкой на рукаве.

Вторым вошёл лейтенант, тоже с красной повязкой — начальник караула.

А за ними...

Ложка выпала из рук Сорокина-младшего. На пороге он увидел своего брата.

Рядовой Сорокин молча смотрел на Сорокина-младшего.

— Так вот ты где! — наконец негромко сказал он. — А ну, вставай, живо!

Сорокин-младший послушно поднялся из-за стола.

Солдаты растерянно молчали и старались не смотреть на него.

Конечно, кто он был теперь для них — самозванец, болтун, обманщик... Чего бы только он ни сделал, чего бы ни отдал, лишь бы они взглянули на него по-прежнему!

Он хотел объяснить всё, сказать, что он не нарочно, сказать, что он... Он потянулся было к курносому солдату, но тот махнул рукой:

— Ладно, иди, иди...

Никто не обращал на него внимания. Брат подтолкнул его в спину:

— Идём!

И тогда Сорокин-младший заплакал.

Вот уж никогда не думал Сорокин-младший, что таким грустным будет его прощание с военным городком. А ведь сам виноват. Всё могло быть по-другому, совсем по-другому. Но теперь уже не исправишь.

В воскресенье, накануне отъезда, вместе с Сорокиным-старшим и мамой отправился он в военный городок на спортивный праздник.

Мама держала Сорокина-младшего за левую руку, а Сорокин-старший — за правую.

Со стадиона уже доносилась музыка, и в другой бы раз Сорокин-младший торопил маму и брата, чтобы не опоздать к началу праздника, но сегодня он и сам еле передвигал ноги. На стадионе, наверно, будут все, весь полк, а у Валерки не было никакого желания встречаться с солдатами, которых он обманул в караульном помещении, да и попадаться на глаза химикам, в плену у которых он сидел без штанов, ему тоже не хотелось. . . Станут теперь показывать на него пальцами. . . Так что с бóльшим бы удовольствием он остался сегодня в гостинице, но мама с братом, видно, нарочно потащили его на стадион.

И почему он уродился такой несчастливый? Почему никак не справиться ему с самим собой? Разве виноват он, что у него такой характер? . .

Они свернули в аллею, и тут из кустов выскочила рыжая приветливая собака. Она, наверно, узнала Валерку, потому что сразу послушно пошла за ним.

Но он не мог её даже погладить: мама по-прежнему держала его за левую руку, а Сорокин-старший — за правую. И тогда собака вильнула хвостом и снова скрылась в кустах.

А Сорокину-младшему стало ещё печальнее.

Дальше они прошли мимо казармы, мимо спортивной площадки, и здесь Сорокин-младший увидел солдата в распоясанной гимнастёрке. Солдат был один. Он стоял и задумчиво смотрел на «коня».

Что-то знакомое было в лице этого солдата. Встречался уже с ним Валерка, что ли?

И вдруг Сорокин-младший вспомнил: ну, конечно же, это был тот самый солдат, которому никак не давался пры-

жок через «коня». Как пыхтел он тогда, как топал сапогами, разбегаясь, грозный, как надвигающийся паровоз!.. И даже фамилию его вспомнил Валерка — Кравчук.

Ну да, Кравчук. Тогда ещё командир сказал: «Достаточно, Кравчук. Потренируетесь ещё вечером. . .»

И сейчас Кравчук готовился к разбегу. Он отошёл на несколько шагов, потом быстро помчался вперёд — к «коню».

«Вот сейчас будет потеха!» — хотел было сказать Валерка Сорокину-старшему.

И не успел.

Кравчук вдруг легко коснулся снаряда и перелетел через «коня».

Валерка даже глазам своим не поверил.

А Кравчук подмигнул Валерке, затянул ремень и побежал к стадиону.

Музыка на стадионе уже гремела вовсю, и Сорокин-младший почувствовал, как испаряется, как исчезает его плохое настроение. . .

СОДЕРЖАНИЕ

РЯДОВОЙ БАШМАКОВ. Рассказы	3
Рядовой Башмаков	5
Десантная куртка	7
Как Башмаков был в плену	9
Как Башмаков одолжил свою фамилию	13
«А что?»	16
Холостой патрон	18
Башмаков и Иван Иваныч	22
Самая удивительная история	25
Повязка с буквой «Р»	27
Как Башмаков лежал в санчасти	30
Последняя история	32
 БРАТЬЯ СОРОКИНЫ. Повесть	 35

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Никольский Борис Николаевич ВЕСЁЛЫЕ СОЛДАТСКИЕ ИСТОРИИ

Ответственный редактор *И. Г. Одоевцева*. Художественный редактор *Г. П. Фильчаков*. Технический редактор *Т. Д. Раткевич*. Корректоры *К. Д. Немковская* и *Н. П. Васильева*.
Подписано к набору 4/IX 1972 г. Подписано к печати 25/XII 1972 г. Формат 70×100¹/₁₆. Бум. № 2.
Печ. л. 6. Усл. печ. л. 7,74. Уч.-изд. л. 5,79. Тираж 100 000 экз. ТП 1973 № 253. Заказ № 333.
Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература»
Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли. Ленинград, 192187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглав-
полиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7. Цена 35 коп.

95 коп.

„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“